

Валентина Абакумова
Другая физика

Валентина Абакумова

Другая физика

«Издательские решения»

Абакумова В.

Другая физика / В. Абакумова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836771-7

Физический мир красив, интересен и даже очень любим нами. Но наши мысли, чувства, переживания и настроения совсем не зависят от этой физики. Они как будто живут в каком-то параллельном мире, где совсем другая физика, загадочная и притягательная, этот параллельный мир иногда проникает в мир физических тел через интуитивные всполохи и завораживает нас. Наверное, не всех, но это не значит, что другой физики не существует.

ISBN 978-5-44-836771-7

© Абакумова В.
© Издательские решения

Содержание

Реалии иллюзий	6
Лярва	8
Полкило	12
Встретимся в будущем...	17
Тень личной чистоты	23
Мёртвые не обманывают	27
Мёртвые не обманывают 2	30
Мёртвые не обманывают 3	31
Вы убиваете друг друга...	34
Всего-то...	36
Адутто	38
На самом краешке...	40
Амаль-гамма...	43
Это твой выбор	45
Планета веры	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Другая физика

Валентина Абакумова

© Валентина Абакумова, 2017

Художник Ильдар Гафиятуллин

ISBN 978-5-4483-6771-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Реалии иллюзий

Я люблю это кафе. Здесь можно никуда не торопиться, но, тем не менее, много успеть... Когда тебе никто не мешает побыть наедине с собой, ты успеваешь многое продумать, почувствовать даже, а потом вырываешься в реальию только для того, чтобы исполнить продуманное. Нет, здесь всегда много посетителей, негромких таких... Они тихо сидят за своими столиками, неторопливо пьют кофе. Иногда вдвоём или троём. Но даже если и беседуют, то совсем неслышно. Никто ничем не обращает на себя внимание. Это позволяет и тебе оставаться незаметной. И в результате ты пребываешь сразу в двух иллюзиях: находишься среди людей, к которым всегда можешь обратиться, и при этом наслаждаешься одиночеством. Или... в двух реалиях...

Но сегодня мне обдумывать как будто бы и нечего. Билеты я уже купила. На спектакль «Маскарад». Надо обязательно посмотреть, что это там за маскарад поставлен? Вчера позвонила приятельница и высказала своё недоумение по поводу того, как я отозвалась об этом спектакле. Мол, это на меня не похоже. То я не вижу Иуду в темнокожем артисте, а тут вдруг с восторгом говорю об исполнителе главной роли, которому впору Чингисхана играть, а не русского дворянина. Ну, я не знаю, что здесь такого... Во-первых: среди русских дворян были люди и с восточной внешностью, ну, взять, хотя бы Юсуповых! А во-вторых... Вот здесь начинаются иллюзии. Я не видела ещё этого спектакля – раз, и я нигде о нём не отзывалась – два. Но приятельница утверждает, что видела меня в новостях, журналист якобы попросил случайного зрителя поделиться впечатлением от просмотренной премьеры. Ну, это уж никак не может быть! Наверное, респондент была просто очень похожа на меня. Вот это может быть...

Мой столик стоит у большого окна. Иногда кажется, что прохожие идут не по тротуару, а прямо через кафе. И все мимо меня. Они даже не обращают на меня внимания, поэтому их можно рассматривать без зазрения чего-то там... И вот тут можно увидеть так много интересного! Вот молодой человек спешит, держа в руках букет цветов, как веник. Наверное, на свидание спешит, и пока далеко от любимой, а то бы поуважительней к цветам отнёсся... А вот пожилая дама. Я уже не в первый раз её вижу. Из серии «божий одуванчик». Всегда опрятна. И со вкусом одета. По возрасту, но с непогрешимой утончённостью. Наверное, она очень интересный человек, ей есть чем поделиться за чашечкой кофе... Но вряд ли она это делает... Она похожа на тех, кто всегда «держит марку» и не позволяет себе быть самой собой, если есть хоть один зритель... «Держит марку»? Или «носит маску»?

А вот... Ой, пальто на женщине как у меня. Просто один в один! Надо ж! И шляпка похожая... нет! точно такая же! Если сказать, что на меня накатила оторопь от такого сходства, то это ничего не сказать. Я даже с каким-то ужасом смотрела в спину проходящей женщины, плечи которой укрывал шарф точь-в-точь как у меня... Хорошо, что мы не встретились с ней на улице! А то на что бы это было похоже?! Даже не буду торопиться выходить из кафе. Пусть отойдёт подальше.

Я не спеша надела своё пальто, заглянула в зеркало, поправляя шляпку... Да, вкусы, наверное, у меня с этой женщиной совпадают. А что ещё нас может сблизать? Нет, дружить со своим повторением было бы просто невозможно. С одной стороны ты получаешь удовольствие от совпадений с твоими пристрастиями, с другой стороны – раздражение от этих совпадений, и даже соперничество. И не с кем-то, а с самой собой! Нет, это хорошо, что мы не знакомы.

Реалия встретила меня выхлопными газами и гулом густонаселённого города. Мне предстояло сквозь этот кисель пройти к пешеходному переходу. И тут я заметила, что у кромки дороги перед самой зеброй в ожидании зелёного стоит Она. В моём пальто... В моей шляпке... Нет уж, увольте, пусть пройдёт первой. Я здесь подожду следующего включения зелёного. Вот

она уже шагнула на зебру, обернулась, чтобы убедиться в том, что на дороге нет неадекватных водителей и... тут наши глаза встретились... Я не знаю, что испытывает человек, когда его бьёт молния. Может быть, то же самое, что я в этот момент. Похоже, что и её охватило недоумение. Она остановилась и замерла, повернув в мою сторону лицо, не скрывающее растерянность... Я только и успела заметить, как блеснуло лобовое стекло приближающегося автомобиля... Резкая боль и звон в ушах сбили меня с ног...

– Да нет, слава Богу, здесь ничего страшного. Вон уже приходит в себя.

Я обнаружила себя на скамейке ближайшей остановки, надо мной склонилась незнакомая женщина. А вокруг стояли несколько сочувствующих зевак.

– Как вы себя чувствуете? – спросила женщина, – с вами всё в порядке? Или надо скорую и вам вызвать?

– Нет, нет, не надо... Сейчас пройдёт. Я просто в шоке... Прямо на глазах у меня... А что с ней?

– Да скорая увезла... Не знаю, как там... Ой! А вы не сестра ей? Неужели близнецы?.. Даже одеты одинаково...

– Нет. У меня нет сестёр, – поторопилась ответить я, пытаюсь встать со скамейки. Голова продолжала кружиться. И непонятно отчего. Толи от того, что увидела, толи от того, что ничего не поняла. Как будто бы та женщина пришла из какого-то параллельного мира. Или я попала в другой мир... Надо позвонить мужу.

Я достала из кармана телефон, нашла в контактах слово «муж», нажала на вызов.

– Алё! Макс! Алё!

Звонок был принят, но ответа не слышу... Боже! Почему он молчит?!

– Макс! Ответь же!

– Ну что вы так орёте? – женский голос не скрывал возмущения, – вы ошиблись номером!

Как?... Как это можно было ошибиться? Я же не цифры набирала... Неужели? О ужас! Куда меня занесло?

Я огляделась. Всё по-прежнему вокруг. Та же остановка... Та же зебра... То же кафе в сторонке... Что происходит? Сейчас пройдёт минут пять, и я ещё раз наберу Макса.

Макс, закутанный ниже пояса в полотенце, вышел из ванной и спросил:

– Это что, мой телефон сейчас звонил?

– Да... Ошиблись номером.

– Ты что, сама отвечала? С ума сошла, что ли? Я же предупреждал: никогда не брать мой телефон в руки!

– Подумаешь? Что произошло-то?

Макс проверил последний вызов... Да... Жена звонила. Блин, придётся оправдываться... И в этот момент телефон зазвонил вновь

– Макс? Ты? У-у-ух... Слава Богу! Я уж подумала... Да нет, нет, ничего страшного... Я звоню сказать, что мы сегодня в театр идём. «Маскарад» по Лермонтову посмотреть... Ты ведь не против? Вот и ладненько...

Лярва

«Ишь, ты, подишь, ты! Строит из себя! Голодранка несчастная! Эта шушера совсем перестала знать своё место. И образование у неё „заушное“, а себе ещё! Интеллигенткой тут представляется! Знаем мы этих интеллигентов: из грязи – в князи! Друзья к ней, видите ли, ходят. Да где ж вы видели, чтобы у порядочной женщины мужчины в друзьях были? Так много разных только к проститутке шатаются! Тьфу!» – уже не в первый раз бушевала Степановна, посылая проклятья на голову соседки. И для того, чтобы получить полное удовлетворение от проведённой акции против непокорной, она вышла на лестничную клетку и смачно плюнула в кружочек глазка на соседской двери.

«И дети у неё – поганые,» – не без удовольствия, но уже спокойно, сделала она заключение и отправилась во двор посетить в тени клёнов на скамеечке с товарками, любящими помыть косточки всем, кому ни поподя. Она спускалась по лестнице только что подметённой ею (к соседке шатаются кобели всякие, грязь носят, а ей вот убирать приходится!) и предвкушала ту радость, с которой она будет рассказывать всем, что у её соседки бешенство матки, поэтому она не может хорошо зарабатывать, как другие проститутки, самой приходится кормить да поить мужиков за обслуживание, а детей куском хлеба обделяет. И они от недоедания и нехватки витаминов тупеют. А старшенький, уж и без очков видно, – дебилый. Ой, как много рассказать есть!

Домой Степановна возвращалась затемно. Наговорилась досыта! Всё высказала. Ничего не оставила! В груди было сладко пусто. Ну вот и ещё один день прошёл. Осталось чайку попить да спать лечь.

– Ну что ты звонишь в такой поздний час? – услышала она сердитый голос дочери, которая открыла ей дверь и запустила в тёмную прихожую, – Ванечка уже спит. Знаешь, ведь, как трудно его уложить. Я вот всё думаю, может, мне его невропатологу показать?

– Да что ты всё придумываешь? Здоровый ребёнок. Они, маленькие-то, все орут. Думаешь, ты не такая была?

– Мам, а ты Светку на улице не видела? Темно уж, а её всё нет. Никогда она так долго не задерживалась.

Степановна налила себе чаю, достала кусочек сахара и села поудобнее на стул, чтобы посмаковать душистый напиток. За стеной в соседской кухне кто-то вёл оживлённый разговор. Очень хотелось услышать, о чём. Степановна приложила перевёрнутый стакан к стене, прижалась ухом к доньшку, как её научили сегодня бабы на скамейке, но, увы! понять смысл того, о чём говорили за стеной, ей так и не удалось. Говорили о каких-то валёрах. Кто это такие? Стерпеть это Степановна не могла, и на голову соседки понесли новые проклятия.

– Ну, никакого покоя от этой стервы нету!

– Да тише ты, мам! Ванечку разбудишь...

– Да я и не удивлюсь, если он проснётся. При таком-то шуме! Постучать им надо.

– Да ты что, мам! Их тут и не слышно. Успокойся!

Успокойся! Разве тут успокоишься? Никакого уважения и заботы от этих молодых не дождёшься. Вон, уж собственная дочь поучает, как себя вести!

Аккуратно сложив покрывало, она сняла лишние подушки с кровати, достала ночную сорочку из ящика тумбочки и собралась было переодеться, но что-то её смутило... Как будто в комнате ещё кто-то есть... «Ой, да кто тут может быть! Перенервничала, вот и кажется чёрте-чёрте...»

– Кажется! Ничего тебе не кажется!

Сердце у Степановны выскочило через открытый рот... Она обернулась на прозвучавший голос и обомлела... В кресле развалилась какая-то нахальная девица с пустыми глазами, какие

бывают только у бестыжих девок, которых Степановна видела на похабных календарях, что в коммерческих киосках продают. Ноги в каких-то длинных сапожищах гостя бесцеремонно сложила на журнальный столик. Губы, намазанные чем-то невероятно ярким, были сложены в недовольной гримасе. Но настроение её совсем не мешало ей обрабатывать пилочкой непотребно длинные ногти.

Девушка чавкнула жвачкой и выдавила:

– Что замолкла-то?

– Галь!.. Галя!.. – позвала Степановна дочь, вмиг забыв про все обиды.

– Да что ж ты никак не угомонишься-то, мам?

– Галь, а это – кто?

– Где?

– Да вот же! – Степановна указала на кресло.

– И чем тебе Мурлышка-то ещё помешала? – дочь забрала кошку и вышла.

– Да что ж это? – Степановна протёрла глаза, снова посмотрела в сторону кресла и обмерла в очередной раз: девушка сидела там же.

– Это тебе не поможет! – она одарила Степановну наглой улыбкой и продолжила заниматься своими мерзкими ногтями.

– Ты кто? – наконец, смогла произнести Степановна.

– Лявва.

– Это что же, имя такое ругательное?

– Да уж какое дали.

– Ты откуда взялась-то? – Степановна таки смогла взять себя в руки. Она поняла, что спуску здесь давать нельзя. Стерв она таких видела, не первый год живёт.

– Хм! Она ещё и спрашивает! Ты ж меня сама и придумала! И мне, надо сказать, очень нравится быть. И как всякие родители беспокоятся о своих детях, думают о том, как и за счёт чего они будут существовать, попросту говоря, что они будут кушать и во что одеваться, так и ты теперь будешь думать обо мне!

«Нет, с этим надо кончать! – решила Степановна. Это же самая обыкновенная авантюристка. И как её Галька-то не заметила?»

– Галь! Вызывай милицию и сюда приходи!

– Ха-ха-ха-ха! – от смеха ляввы ноги Степановны стали ватными, и она, обессиленная, упала на кровать.

«Да что ж это такое?...» – Степановна вконец растерялась, почувствовав какую-то зловещую внутреннюю связь с этой ляввой, как будто их действительно соединяла пуповина...

– Ну, что с тобой, мам? Тебе не милицию, а «скорую» вызывать надо!

– Не надо «скорую»... – едва слышно произнесла Степановна, – зови милицию или сама гони её в три шеи!

Смех ляввы довольно внушительно раздался снова. Внутри у ослабевшей женщины что-то ёкнуло, как будто её и вправду дёрнули за невидимую ниточку...

– Да кого гнать-то, мам?

– Ты что, совсем ослепла и оглохла? Вон же в кресле развалилась!

– Да нет же здесь никого!

Степановна приподнялась и ахнула... Девушка опять пропала.

– Галь, ты посмотри под столом... И под кроватью... Может, она за шторой прячется?

– Да ты хоть объясни, кого найти нужно?

– Да лявву!

– Какую ещё лявву?

– Девка такая бестыжая, лохматая, с крашеными губами! Ты что, и не заметила, как она в дом вошла?

– Мам, ты успокойся. Просто ты перегрелась сегодня на солнышке. Спишь на ходу... Это тебе приснилось что-то...

«И то правда! – с надеждой подумала Степановна. – лягу спать, и пройдет всё... Ну, ведь, если б она была, она бы никуда не делась... Померещилось. Старею...»

– Иди, иди, дочь. Показалось, наверное...

Галина тихо прикрыла за собой дверь. Степановна хотела выключить свет, но подумала и оставила. На всякий случай. Она укрылась одеялом и почти уже успокоилась, даже рискнула закрыть глаза, как вдруг в лицо ей ударил отвратный шёпот:

– Ты что же, думаешь, отделалась от меня? Ну, нет! Кто ж оставляет своих чад некормленными на ночь?

– Да что тебе надо от меня, дрянь ты этакая?

– Яблоко от яблони, как говорится, мало чем отличается. Уж если кто-то и дрянь, то я просто её отражение.

– Ты на что намекаешь?

– А что мне намекать? Я тебе и прямо могу сказать. Я – это твои ну просто замечательные мысли и слова. Только все своим словам и мыслям нужное место находят, поэтому и живут с ними в мире. А ты куда меня послала? К соседке своей? Я там была. Но мне там делать нечего: не про меня она! А кушать и жить мне хочется так же, как и всем. Так что, давай, делай что-нибудь.

– Да что делать-то? Хлеба, что ли, тебе принести?

– Вот именно. Только не того, каким вы своё тело питаете. А тот, на который ты меня обрекла.

– Да ты говори прямо, хватит темнить.

– Уж если кто натемнил, так это ты. Вспоминай, что ты говорила про соседку? Так вот, мне по меньшей мере нужны голодранка, проститутка и дебил. Чтобы жить, мне необходимы их мысли, их переживания, их страсти! А чтобы жить хорошо, мне нужно много всего этого! А я хочу очень хорошо жить! И немедленно.

– Здесь ты для себя тоже ничего такого не найдёшь! Так что, убирайся!

– Ну, уж нет! Я своё возьму, можешь не сомневаться! Если ты мне не поддашься, то поддадутся те, с кем ты связана своей душой... Ты видишь, я уже чувствую себя в общем-то неплохо!

– Это ты про что? – смутная тревога сдавила Степановне душу...

– У меня уже почти всё есть. Кроме голодранцев. Но за ними дело не станет, это проще простого.

– А где ж ты взяла дебилов?

– Завтра утром повнимательнее в глаза своего внука посмотри... И сразу всё поймёшь.

– Ах, ты, стерва!

– И это существо, которое мнит себя человеком, смеет называть так собственное создание. Своё в определённом смысле «я». Ты ещё не почувствовала, как тебе далеко до образа и подобия Божьего?

– А...

– Сходи в соседний подъезд.

Степановна стала судорожно одеваться.

– Галя, Галя! Светка не пришла?

– Да нет ещё. Я уж и не знаю, что подумать...

– Я схожу во двор, посмотрю.

– Тебе ж плохо. Может, я сама, а ты за Ванечкой посмотри.

– Не надо! Я схожу.

От разогретого за день асфальта на улице было душно. А, может, Степановне это показалось... Воздуха ей, действительно, не хватало. В соседнем подъезде было темно. «Опять пацаны лампочки вывернули! Вот нелюди-то! То-то у них у всех рыла нечеловеческие. Да и матери у них у всех...» – кто-то дёрнул Степановну за нутро, как за верёвочку, и она осеклась... – Господи! Прости меня за мысли мои...

Из-за приоткрытой двери подвала доносился какой-то неясный шорох и шёпот. Степановна прислушалась...

– Ты только смотри матери ничего не рассказывай! А то больше ничего не получишь. А завтра мы с Шуриком придём и принесём тебе французскую тушь для ресниц. Хочешь?

– И по сникерсу! А то не дам, – услышала Степановна ещё совсем детский голос своей Светки...

Она вышла во двор, села на скамейку, которая для многих сварливых пенсионерок стала в какой-то степени последним местом работы. Но сейчас Степановне было не до «коллег». В голове её было мутно и муторно. Она боялась что-нибудь подумать: в каждой едва возникающей мысли она улавливала смрадное дыхание лярвы...

Вдруг неожиданно двор озарил яркий свет. Степановна обернулась на него и застыла: пламя вырывалось из окон её квартиры... Из подъезда выскочила Галя с Ванечкой на руках.

– Галя, Галя! Что там случилось?

– Ой... Ой... Что ж это? Ужас какой!

– Да что ж там произошло у тебя?

– Не поняла... Я телевизор смотрела и к Ванечке вышла, запищал он... А тут грохот такой! Может, это телевизор взорвался?..

– Ой, горе-то, горе-то какое!

– Ну вот, – услышала Степановна зловещий шёпот прямо в ухо, – теперь у меня и голодранцы будут... Кстати, я тут такая твоя родственница не одна хожу. Много ты нас настряпала, много...

Пламя бушевало всё больше и больше. Сигналы пожарных машин оглушили всю округу. Но было ясно: уже ничего не спасти...

Полкило

Я, наверное, сам бы легко поверил тому, что все это мне приснилось, не будь я сейчас так счастлив. А не было бы той удивительной новогодней ночи, я бы, пожалуй, до сих пор оставался просто несчастным влюбленным.

Я влюбился в нее сразу. Как только она переступила порог нашего отдела. Понимаю, как это вам смешно. Мне самому было странно. Я уже в том возрасте, когда так вот сразу не влюбляются. И вдруг!... Подумать только! Людмила Николаевна! О том, что я влюбился, самому мне догадаться было нетрудно, потому что мне стоило больших сил просто обратиться к ней. Скоро это стали замечать все. Мне казалось, что надо мной смеются, а больше всех – она.

31 декабря прошлого года я решился: «Пора мне, наконец, сказать ей все. Возьму и приглашу ее сегодня в гости. Вместе Новый Год встречать! Но исполнить свое намерение я так и не смог. Мысленно я всегда называл ее Люськой. Люську я бы пригласил в гости. А вот Людмилу Николаевну – увы!

а, может, я боялся отказа. Ведь, если бы сегодня я получил отказ, то завтра у меня не осталось бы никаких надежд на ее благосклонность. А с надеждой-то как будто и жить легче...

Было уже очень темно, когда я собрался уходить с работы домой. С горя, что один, что опять у меня ничего не вышло, я решил купить шампанского и идти не домой (что там делать одному в новогоднюю ночь?), а куда-нибудь в гости. Но потом передумал. «Нет! Надо мне себя наказать за эту глупую нерешительность. Тоже мне мальчишка! Хватит тебе бутылки молока, которая стоит у тебя в холодильнике!»

И я заставил себя идти в свою пустую холостяцкую квартиру. Дорога домой была коротка. Я не очень торопился туда, где меня ожидало одиночество, и добирался пешком. Прогулка по новому городу все-таки приятнее, чем восседение у телевизора с бокалом молока. В конце концов, мне себя совсем стало жаль, и я решил купить себе самому подарок. В любом магазине. Ну, хоть какую-нибудь радость слабому человеку в новогоднюю ночь!

Тут мне пришлось пересечь небольшой базарчик, где в эту новогоднюю ночь было пусто и темно, тогда как в обыкновенные дни здесь всегда шумно и многолюдно с утра до позднего вечера.

Где-то в углу маячила неясная фигура, до глаз закутанная в толстый платок. Платок не уходил, несмотря на темноту, позднее время и редких прохожих. Мне стало жаль старуху.

– Полкило осталось, – пробормотала она мне навстречу. – За полтинник отдам.

Полтинник – не деньги. Я вытряхнул из варежки монетку, и в моих руках оказался серый сверток.

– Подожди, а чего полкило? – повернулся я к Платку. Но на месте ее, за рядами, висело какое-то облако. «Чего полкило? – тоненько хихикнуло оно и совсем слилось с темнотой. – Полкило привидения»...

«Шутница бабуля, – подумал я. – Новый год, конечно, праздник чудес. Но, ведь, это все-таки не 1-е апреля.»

Дома я бросил сверток на полку для шляп и стал торопливо раздеваться, стгорая от любопытства, что же в этом свертке? Все получилось просто замечательно, по-настоящему, так сказать: и подарок есть, и знаешь, что для тебя, и не знаешь еще, что же там. Но любопытство не помешало мне лишний раз отругать себя за нерешительность, когда я уже снимал ботинки. В это же время я с удовольствием воображал себе чудо: раздастся звонок и входит она...

И вдруг – звонок. «Кого это принесло? – подумал я, предчувствуя, что удовольствие раскрытия подарка придется отодвинуть еще на несколько минут вперед. Я открыл дверь... и что бы вы думали?! Конечно. Люська. Да! Это была она.

– Люська! Ты чудо! Заходи скорей.

Тут я осекся. Понял, что это не воображение. и Люська – живая, вот она! – стоит передо мной. А я ее «Люськой» да на «ты»... Но Люська вела себя так, будто ее ничего не удивляло в моем поведении и сама она ничего особенного не сделала. Я помог ей раздеться, провел в комнату и окончательно растерялся. Что же делать дальше? Есть все: 31-е декабря, маленькая сверкающая огоньками елочка в углу, свечи, которые позволили бы отказаться от бесстыдно яркого света электричества – я так готовился к этой встрече! Наконец, сама Люська! Она тоже есть! А у меня нет даже шампанского... И в холодильнике ничего кроме бутылки молока...

А Люська любовалась елочкой и улыбалась. Затянувшееся молчание ее, как мне показалось, нисколько не смущало.

– Очень хорошо, что я застала тебя дома. Ты, ведь, мог уйти в гости, – я слушал ее как будто впервые. прозрачный, тающий голосок! Почему я не замечал этого раньше? Что с нами делает новогодняя ночь! – Я понимала, что появлюсь неожиданно и застаю тебя врасплох. Там, в сумке, которую я оставила в прихожей, шампанское, шоколад и яблоки.

«Какая сумка? У нее же ничего не было. Хотя... я мог и не заметить от волнения...»

Через несколько минут в комнате горели свечи, на столе в бокалах шипело шампанское, мы сидели друг против друга, и моему счастью не было конца! Главное, что не надо было объясняться, признаваться в любви, предлагать руку и сердце – все было ясно без слов. Мне было легко и прекрасно... Темы для разговоров приходили просто, мне стало казаться, что я ей тоже приятен. Да это, пожалуй, так и было, а то бы зачем она пришла ко мне в новогоднюю ночь?

Я пил шампанское и не замечал его, будто пил воздух. Яблоки Люськины таяли на зубах. Я был опьянен Люськиным присутствием, все, что было про нее казалось мне призрачным и необыкновенным.

Приближалась полночь. Нас охватило знакомое всем ощущение торжества приближающегося мгновенья, мы с волнением, молча, ожидали боя часов, каждый задумался о своем, как вдруг нашу тишину раздавил телефонный звонок. Я недовольно поморщилась и решил, что подойду к телефону только после того, как часы пробьют двенадцать. Но звонок был настойчив, он раздражал. Не выдержав, я вышел к телефону и поднял трубку, готовый услышать что угодно, только не Люськин голос. Но это было он!

– С Новым годом! Честно говоря, я надеялась, что смогу поздравить вас не по телефону. Мне казалось, что вы готовы были сегодня вместе со мной провести новогоднюю ночь. Но... увы! И я решила сама сделать первый шаг. Итак, я поздравляю вас с Новым годом... Отчего же вы молчите? Вы видите в моем поступке непристойность...?

– Простите,... а вы... откуда звоните?

– Из дома. Надеюсь на вас, я отказалась от всех приглашений и теперь сижу дома один на один с телевизором.

– Но это невозможно!

– Еще как возможно! И вы тому виной.

В эту минуту часы стали отбивать секунды уходящего года.

– Ну, где же ты там? – услышал я недовольный Люськин голос из гостиной.

– Еще раз поздравляю! – заговорила телефонная трубка Люськиным голосом.

– Невероятно... – промямлил я.

– Что невероятно? – отозвалась трубка. – Да, я понимаю вас. Мое поведение не может вас не удивить. Ну, что же, мне очень жаль, что я осталась без вашего поздравления. Простите за навязчивость.

– Нет, нет! Не кладите трубки! Невероятно то, что вы одновременно говорите со мной по телефону и сидите у меня в гостиной...

– Но это невозможно!

- Вот и я говорю то же самое.
- Вы шутите. Простите, но это неприятно.
- Только не обижайтесь! Я вам говорю правду! Что мне делать?...
- Я еду к вам. Немедленно!

Я положил трубку и вошел в гостиную. Мне стало страшно. Люська недовольно надула губы.

- Прости. Телефон...
- Я понимаю. Моего поздравления тебе мало.
- Ну, что ты! Хочешь, верь, а хочешь, нет, но там, по телефону, со мной говорила ты.
- Вздор!
- Но ты обещала немедленно приехать!
- Но я уже здесь!

– Я все понял: это чей-то розыгрыш. Все наши коллеги догадываются о моем отношении к тебе. Кто-то решил подшутить надо мной в новогоднюю ночь. Но мы им отомстим! Посмотрим, как они засмеются после праздников, когда мы объявим им о нашей свадьбе. Ты, ведь, не откажешься выйти за меня замуж?

- Вот так, сразу?
- Это разве сразу?
- Ну, да... Я согласна.

– Тогда я ставлю чайник на огонь, и мы через полчаса назло всем шутникам устраиваем первое семейное чаепитие!

– Ура! – зазвенел Люськин прозрачный голос. – Где у тебя музыка? Я хочу потанцевать, пока закипит чайник!

Танцевала она великолепно. От ее танца у меня закружилась голова. Она легко передвигалась по комнате, я не успевал следить за ее движениями, мне стало казаться, что Люськины фантомы окружили меня и понесли в пространство моего счастья.

Наш танец был прерван звонком. Я вышел в прихожую в предчувствии, что чудеса этой ночи еще не закончились. За дверью стояла Люська. Я стал терять равновесие. Люська вошла.

- Помогите же мне раздеться, наконец!

Я повесил ее пальто на вешалку. Тут раздался свист чайника, и мне пришлось удалиться на кухню. Когда я возвратился в комнату, две сердитые Люськи стояли друг против друга. Они были совершенно одинаково одеты, одинаково причесаны, одинаково красивы. Отличить, какая из них давно была здесь, а какая только что пришла, я уже не мог.

Я в ужасе отступил в прихожую. Мне казалось, что я тоже раздваиваюсь. Чтобы увидеть, как это у меня получается, я бросился к зеркалу. Но чуда не последовало. Я оставался в одном экземпляре. Здесь-то я и вспомнил про подарок для себя. Я решил воспользоваться уединением, успокоиться, прийти в себя, отдохнуть от чудес и заодно вскрыть сверток.. К удивлению своему я обнаружил, что свертка нет. Есть свернутый кусок газеты. И все. «Полкило привидения, полкило привидения...» – застучало в висках. Я заглянул в комнату. Сомнения нет. Одна из них, действительно, фантом.

- Самозванка! – Бросила одна Люська другой.
- Я самозванка? Это ты хочешь отнять его у меня. Не выйдет!
- Уходи. Он не поверит тебе. Он знает, что я – это я.
- Нет! Я – это я.

Я лихорадочно думал, как же мне их отличить? более странно и загадочно вела себя первая Люська. И это воздушное вино. И яблоки, которые она принесла... Хотя, загадочность – черта настоящей женщины... Однако, она скорее напоминает безосновательное чудо. Неужели это она вышла из пакета? Значит, я весь вечер провел с привидением? И привидение, а не Люська, дало согласие выйти за меня замуж! Бр-р-р... Вот тут-то я ее и поймаю!

– Кто из вас согласен быть моей женой?

– Я.

– Я!

Балбес. Этого следовало было ожидать. Но зато ясно, что и настоящая Люська тоже согласна. Но которая из них настоящая? Я решил спокойно все проанализировать. Сел за стол, обхватил голову руками и начал думать. Но тут женщины обступили меня:

– Что ты сидишь? Почему ты её не прогонишь?

Ага! Та, которая обращается ко мне на «ты», была здесь весь вечер. Ведь, другая...

– Что ты на меня смотришь? Хочешь прогнать, как она научила? (О! Да они обе уже на ты!) Можешь не трудиться, я сама уйду отсюда.

Она направилась к выходу.

Стой! А если ты настоящая? Значит, я останусь с призраком...

– Подожди! Не уходи! – в отчаянии крикнул я.

– Не уходи? Тогда уйду я! – сказала другая.

– Нет, нет! Не надо никому уходить! Я прошу вас...

Обессиленный, я опустился в кресло. Что делать? Что делать?! Ночь подходит к концу. А я находился в таком странном и неожиданном положении, и конца ему не было видно. Я не хотел потерять Люськи, которая уже дала согласие быть моей женой. А еще больше я не хотел, чтобы на месте Люськи оказалось приведение.

Но как все это решить?

Поцелуй! Вот что меня спасет. Если я не вижу Люськи, то почувствовать-то я ее должен.

– Поцелуй меня... – сказала одна из женщин в эту минуту. «Она чувствует меня! Конечно, это Люська. Это она!» Я прикоснулся к ее губам и оказался в невесомости! Чудо! Чудо мое! Ты и только ты. Ты – моя сказка. Ты – мое божественное создание. Я иду к тебе. Я твой.

– А меня? – отозвалась другая Люська.

Меня охватил ужас. Что делать? Целовать призрак?

– Ты ошибся. Ты должен был поцеловать меня.

Я отступил от нее. Но призрак наступал на меня. В глазах его была ярость. «Убью» – выдавил он из себя. «А, ведь, убьет, – подумал я, – что ее, нечистой силе, это стоит?... Поцелую быстренько и скажу, чтобы уходила. Она, ведь хотела уйти? Хотела...»

Я сделал шаг навстречу. Задрожав от ужаса, примкнул к ее губам и... не смог оторваться. Я почувствовал, как мои мускулы налились силой, каждая молекула притягивала к земле. Я не витал в облаках. Я сам их колыхал вокруг себя! Мне незачем ожидать чуда. Я сам могу творить его. Я могу управлять им, а не болтаться в его невесомости как бессильный челн в бушующем море. Я чувствовал себя сильным, настоящим, земным человеком. Значит, сейчас я целую человека, а призрак со своими чудесами, парализующими волю, стоит за спиной. Я крепко держал мою Люську в руках. Никому не отдам. Моя.

– Люблю тебя, – я удивился собственному голосу. Меня переполняли силы, благодаря которым я готов был кричать эти слова на весь город и нашептывать еле слышно: «Я люблю тебя...»

Сзади послышался шорох. Но он меня уже не страшил. Хоть тысячу призраков. Вот она – моя Люська!

– Смотри, – сказала Люська, – ее нет!

На полу лежал сверток. Он лежит у меня до сих пор. Думаю подарить его кому-нибудь на Новый год. Может быть, вам?

Встретимся в будущем...

Чернокожий шофер вел такси (как ни странно), не торопясь, будто заботился о том, чтобы поездка оставила у его пассажиров ощущение маленькой экскурсии. Таксисты – они везде таксисты, и этот был достаточно ушлый, чтобы почувствовать своей черной кожей благодарного пассажира. И хотя «новые» русские в основе своей мало чем отличались от американцев своим отношением к доллару, но нет-нет да и попадетсЯ среди них такой, в котором теплилась купеческая разухабистая щедрость прежних богатеньких россиян, легенды о которой еще сохранились в Европе. А этого солидного бизнесмена, которого он вез в один из самых респектабельных отелей, выдавала детская улыбка и сопровождающий его молодой человек явно богемной принадлежности. И связывали их, похоже, не только дела.

– Смотрите, смотрите, Петр Николаевич! Во дает!.. Вот это реклама!.. О! Ничего себе! «Жигули» что ли?!

– Это вряд ли. Просто что-то похожее. А меня здесь больше всего чистота и порядок удивляют.

– У-у-у! какая иллюминация! – Сашка не переставал восторгаться видом ночного незнакомого города. И если б Петр Николаевич не знал, что ему уже почти за тридцать, он бы принял эти восторги за эмоции ребенка.

Сашку он впервые встретил пять лет назад в художественном салоне, куда пришел затем, чтобы купить жене подарок на годовщину свадьбы. Ей захотелось украсить одну из стен своего коттеджа «живой» живописью. Стало модно, и ей не хотелось «отставать» от претензий того общества, войти в которое им позволили деньги. Деньги, кои с приходом нового времени для Петра Николаевича из мечты превратились в заботу и страсть.

А в тот день Сашка, толи отпускаящий бороду, толи просто давно не бритый, в растоптанных зимних ботинках, несмотря на позднюю весну, и в вытянутом потертом свитере стоял за колонной у прилавка и внимательно следил за тем, как идет торговля. Вид его был настолько подозрителен, что Петру Николаевичу поначалу показалось, что какой-то бомж выбирает себе жертву, чтобы воспользоваться моментом, когда та зазеваается ненароком... И он не мог понять, почему служащие магазина совершенно безучастны. А когда он заметил, что некоторые посетители отмечают его своим приветствием, Петр Николаевич понял, что все не так просто, как ему показалось, и он решил подойти к этой странной и теперь уже вызывающей любопытство личности.

– И что мы тут увидели?

– Это вы ко мне?

– Да как будто.

– А-а!... Да так вот... Смотрю, что же все-таки покупают? Хочу понять, что надо делать, чтобы не пропасть совсем. У некоторых художников покупают систематически, а у меня... Четыре месяца висит работа... Хоть бы спросил кто...

– Так вы художник?

– Да...

– А покажите мне свою работу.

– Да вот она, прямо перед вами, в серой рамке...

Петр Николаевич посмотрел на работу и... все понял.

– Э-э, мил-человек! Да кому ж такая мазня нужна?

– Почему «мазня»? Хорошая работа... И она мне дорога очень. Мне большого стоило принять решение принести ее сюда. Думал, то, что самому не нравится, стыдно предлагать кому бы то ни было...

– Для продажи предлагать нужно не то, что вам нравится, а то, что нам нравится. Я вот твою работу и даром не возьму. Мне, ведь, все скажут: «У тебя что, глаз, что ли, не было? Ну где ты видел такой стол?»

– А что?... Стол, как стол... Обратная перспектива... Но при чем здесь стол?

– Как это «причем»? На чем стоит твой натюрморт? На столе. Только вот разве нормальный человек поймет сразу, что это стол? Ты для кого все это рисуешь?

– Разве в этом дело?

– А в чем же? Вот, видишь? Это – натюрморт. Красиво. Цветы. Яблоки. Ваза какая-то особенная... Это я понимаю. Такая картинка любую стену украсит. А твоя?

– Разве живопись для того, чтобы стенки украшать?

– А для чего же?

– Понимаете... Это...

– Вот, вот! Больше сказать нечего.

– Ну, а что же вы тогда не покупаете этот натюрморт? Он же вам нравится.

– Рама мне не подходит.

– Но раму-то всегда заменить можно.

– Да не в этом дело. Размеры не те. Мне нужно что-то длинненькое такое... высокое и узкое. А здесь все прямоугольники какие-то. Не подходит мне.

– Да, вам нужно что-то... нестандартное...

– Вот, вот. Слушай! А, может, ты мой заказ выполнишь? Вот, что-то наподобие этого, только в нужные мне габариты. А? Или ты так и не умеешь вовсе?

– Я не хочу так.

– Что значит «не хочу»? А есть ты хочешь? Ведь товар делается таким, какой он нужен потребителю.

– Но... живопись – это... не товар... Это в какой-то степени сам художник... Понимаете, художник – это все-таки не рабочий, который делает сковородки и кастрюли. Художественное произведение не может быть утилитарно значимым...

– Рабочий делает то, на что есть спрос. Поэтому у него есть хлеб, а иногда и масло на нем. А на то, что делаешь ты, спроса никакого нет. И поэтому, я так думаю, у тебя нет не только туфель. Ну, что ты есть такое, чтобы на тебя спрос был? Но зато есть спрос на твое мастерство. Так что не надо мне здесь твоей заумной философии. Ею сыт не будешь и на стенку не повесишь. Ты мне скажи четко: принимаешь мой заказ или нет? Если сделаешь так, как мне нужно, не поскуплюсь. И клиентуру тебе найду. За работу тебе платить будут, а за фантазии – нет. Ну, что, берешься?

– ... Хорошо. попробую, что ж еще остается? ... Однако, фантазии... и есть моя работа...

– Ты не жалея. Когда-то нужно начинать жить. А впроголодь ты много не нафантазируешь. Да и искусство наше подымать надо, – Петр Николаевич придал своему лицу выражение озабоченности...

– Вы думаете, это так делается?

– Я не думаю, я знаю, что все делается так.

Через неделю Петр Николаевич пришел к Сашке в мастерскую, чтобы взглянуть, как идут дела. Холст был прикован к мольберту, палитра бушевала соцветием красок, но на холсте увы! их почти не было. Зато Сашка дышал на него чем-то неопишным.

– Разбавитель, что ли пьешь?

– Да зачем же?

– Откуда только деньги берешь?

– На кисти обменял...

– Дошел!

– До этого... ни один художник...

– Вот именно!

– А я, – Сашка нарочито заглянул в лицо Петру Николаевичу, – и не художник. И спроса на меня нет!

– А разве я тебе не сделал заказ?

– Не могу я, понимаете вы? Это не про меня. Душу воротит, как будто сам себя обманываешь...

– Ты себя обманываешь, когда напиваешься до чертиков. Вот тебе и начинает казаться, что весь мир должен быть про тебя. А мне про тебя не надо. И даже не про меня. А – для меня. Понял? Вот тебе на опохмел, и что б через три дня все было готово. Или я больше никаких дел с тобой иметь не буду.

Деньги Сашка взял и согласно помотал головой.

Петр Николаевич, не прощаясь, вышел и шумно закрыл за собой дверь. Как только его шаги смолкли, Сашка в отчаянии бросил шуршащие бумажки на стол и, задыхаясь в бесслезном рыдании, стал бить их кулаками и ладонями. Потом присмирел, сжался в комок и замер на своем облезлом трехногом табурете...

Через двадцать минут он уже стоял у холста и работал...

Конечно, он был странный. Хотя рисовать, как выяснилось, умеет. И именно так, как «надо». Петр Николаевич представил его своим знакомым, работы у него уже было море, но с заказчиками своими Сашка был холоден и сдержан. И только с Петром Николаевичем нет-нет да и расслабится за рюмочкой виски. И такое от него можно было услышать, что хоть сейчас – в психушку! Но какое-то неподдельное доверие, как будто бы ни на чем не основанное, тянуло делового и вечно занятого Петра Николаевича к этому талантливому чудаку. И хоть был он с Сашкой довольно строг, нетрудно было заметить, что это скорее от любви, чем от надменности.

А теперь они вместе ехали по чужому городу, чтобы завтра принять участие в аукционе, где будет представлена для продажи работа известного художника прошлого века, к которому Сашка относился с благоговением. Он-то и убедил Петра Николаевича приобрести его. А тот, хоть и ценил Сашкино благоговение, но не разделял его. Однако, его очень убедило то, что иметь такую работу – престижно. Это тебе не Сашкин натюрморт в прихожей около зеркала... Репродукция картиночки-то не очень нравилась, но специалисты, у которых Петр Николаевич не поленился проконсультироваться, отзывались более чем... И сердце миллионера сдалось. Петр Николаевич решил купить ее. А заодно обратить тем самым на себя внимание.

Аукцион прошел спокойно и гладко. Не считая того, что Петр Николаевич в самый последний момент чуть было не отказался от покупки. Оказалась дороже, чем предполагали его советники. Но понял: уйти отсюда с пустыми руками – сделать себе рекламу наоборот. В перерывах он уже успел наладить кое-какие контакты, и теперь нельзя было ударить в грязь лицом.

Не отметить покупку было грех. Они заказали в номер родной «Столичной» и закуски, распаковали приобретение, Петр Николаевич расположился поудобнее в кресле, а Сашка искал у противоположной стены удобный ракурс для картины по отношению к свету.

– Так – нормально?

– А как должно быть нормально?

– Чтобы не отсвечивало ничего и не блестело.

Петр Николаевич всмотрелся в полотно, и вдруг его охватило легкое дразнящее волнение... Он почувствовал, как кто-то родной до умопомрачения подошел сзади и положил свои руки ему на плечи. Это были ее руки... Он с радостью обернулся к ней, но... здесь никого не оказалось. А сам он весь еще находился в состоянии счастья от присутствия ее...

– Петр Николаевич! Вы меня слышите? – Сашкин голос прорвался к нему, наконец. – Теперь вы мне верите, что это что-то! Сознайтесь, ведь, вам начинает нравиться? Я по глазам вижу. Вы какой-то другой сразу стали...

– Саш, мы с тобой сколько выпили?

Тот растерялся от неожиданного поворота. «Ну, вот, а я решил, что доходить стало, – с досадой подумал Сашка, – одни деньги на уме.»

– По одной пока. Налить еще?

– Подожди, не надо. Что-то со мной странное происходит... Боюсь, вдруг это галюники?

– Ну, вам-то это не грозит. А что с вами?

– Ты когда-нибудь бывал в морозный день в натопленной деревенской избе?.. Ну, тогда ты сможешь представить, как приоткрывается дверь, поток свежего бодрящего воздуха обдаёт тебя, а потом потихоньку растворяется в тепле... и вот ты уже забыл, как вздрогнул, когда этот поток ворвался в избу...

– ...Так у вас что, мороз по коже? Это от картины! – радостно заявил Сашка. – Я же говорил, что вы поймете меня. Я чувствовал это всегда! Вот, если Переверзеву это никогда не понять – значит, не понять никогда! А вы... Я же говорил! – не унимался Сашка, обрадованный картиной и пробуждению своего друга.

– Да подожди ты, Саш. Это совсем не «мороз по коже». Меня вот так же обдало переживание счастья...

– Но это же еще лучше!

– Но это вряд ли от картины. Она-то вон, стоит здесь, а ощущение прошло. И вообще, это чувство было каким-то неземным, а картина-то... Нет, слушай, что я уперся в это?! Как баба, честное слово! Давай наливай и рассказывай мне про эту картину все, что ты знаешь.

Сашка плеснул по маленькой, сел в кресло рядом и начал свой рассказ:

– Когда он жил и работал, этот художник, на него, как вы говорите, спроса не было. Это сейчас шустрые дельцы состояния себе делают на продаже и перепродаже его работ. Вот такая произошла метаморфоза: то, что раньше считалось безобразным, теперь стало красивым, пользуясь вашим определением. Но для него-то это было красивым и тогда. А для большинства и теперь – это не столько произведение искусства, сколько престижность и денежность. И ради этого говорят об этом все и всяко, чтобы поднять планку и погреть на этом руки. И заговорили об этом не потому, что узрели, наконец, суть, а потому что стало выгодно. Даже говорить! Но когда художник работает, он совсем не думает о том, как понравиться. Он делится с миром своим эмоциональным опытом. А зритель... это уж его забота – принять или понять, а, может быть, отвергнуть... Однако находятся паразиты, которые на искусстве делают политику и бизнес; им не нужен эмоциональный опыт, им нужны власть и деньги, и поэтому они искусственно превращают художника и его творчество или в идола, или в раба... Сделать деньги можно и на том, и на другом. А этот художник не подчинился законам этих паразитов. Он не стал их рабом. Он остался самим собой до конца. И этим был счастлив, хотя жил в нищете и убожестве.

– А как умер? – Петр Николаевич боялся перебить Сашку. Наверное, это смешно, но он вдруг проникся уважением и даже завистью к этому нищему, но свободному художнику.

– Самоубийство. Конечно, мы теперь можем говорить, что он был сумасшедший, что его доканала нищета, что ему надоело бороться за место под солнцем, что он устал от унижений и оскорблений... И никто не думает, что он мог быть счастливым. Может быть, он просто узнал и понял все, что нужно было понять здесь, на земле. Так его после смерти достали! Не получился раб – сделали из него идола! И теперь свои доходы подсчитывают...

Петр Николаевич всмотрелся в картину снова, желая понять, что ж все-таки понял и узнал об этом мире художник.

...И опять приоткрылась дверь... Торжествующий свет наполнил комнату, сознание и душу Петра Николаевича. Чарующе запахло свежими красками, как в Сашкиной мастерской,

...и она снова подошла сзади и положила свои руки ему на плечи... Запах кожи от ее пальцев пополз по шее, подбородку, щеке... Он смешался с запахом красок и зазвенел в пространстве запахом счастья... Вот оно! Он протянул руку к кистям, лежащим рядом с палитрой, чтобы запечатлеть... Рюмка выскользнула из пальцев, «Столичная» потекла по коленям: запах ее привел Петра Николаевича в себя, как будто это была не «Столичная», а нашатырный спирт.

– Саш... Ты не будешь надо мной смеяться? А? Саш, ты знаешь, а, ведь, эту картину я написал...

– Не понял...

– Саш, это я написал... Я! – Ему захотелось заплакать и засмеяться одновременно, но ни то, ни другое не получалось...

– Петр Николаевич, вам плохо?

– Нет! Что ты! Мне никогда не было так хорошо.

– А почему вы сказали, что это вы написали?

– Я вспомнил... Я, наверное, уже жил... И мне тогда было лучше. Сейчас у меня есть то, чего у меня не было тогда: деньги, благополучие... Но! Саша! Я могу купить эту картину, и другую тоже, но написать ее...! Увы! Я тогда себя чувствовал иначе. И не только себя, а и мир весь – иначе. Уже иначе. И женщин! Вот, моя жена говорит, что она любит меня не за деньги, а за то, что сделало меня богатым. Позиция покрасивей, конечно, но все равно – спекуляция. Ведь, это же опять за «что-то». А ведь это самое «что-то» можно ценить, уважать, в конце концов, быть благодарным за. Но любить! Вед любят не «за», а «вопреки»... Ошибись я хоть раз и упади – и сразу же перестал бы быть ей нужным... Я в ней тоже нахожу много такого, что невозможно не оценить. И именно эти человеческие качества подкупили меня в ней, а не она сама! Стань она сварлива и все – дня бы уже около нее не выдержал... А тогда – я любил... Я был богаче. И если час назад я был уверен, что у меня есть почти все, что нужно для счастья, осталось только найти кое-какие мелочи – может быть, эту картину или еще чего-то – и все: вот оно счастье! А теперь я знаю, как я нищ... И все наоборот: прежде всего – счастье, и тогда только у тебя будет все.

– А где же его взять-то, счастье?

– В сердце своем.

– Вы меня всегда упрекали, что я всем этим забиваю себе голову, и поэтому ничего не могу добиться...

– Я... Ничего не понимаю... Я неправ был. Понять, ощутить, почувствовать – это всегда больше, чем приобрести, купить, добиться. Хотя это где-то все время рядом А иллюзия – тут как тут. Ты чего-то добился, а тебе кажется, что понял и пережил; что-то приобрел – и вот, пожалуйста, чувствуй, ощущай и наслаждайся... Ан нет! Все – не то. А главное – попробовать хотя бы не обманывать себя, себя и других, особенно в искусстве. Даже чего-то ради. Иначе обманешь себя и потом... Ты знаешь, я эту работу подарю какому-нибудь музею. И оставлю ему все свое состояние, надо только его умножить (это-то я, по крайней мере, могу), чтобы на многие лета хватило. Может быть, ей это поможет сохраниться. И когда я снова приду на эту землю, то, может быть, заслужу у Господа право и возможность встретиться с этой картиной снова, и снова – почувствовать и понять. Ведь, это же мой опыт...

– Вас не поймут.

– А разве меня понимали, когда я был художником? Но если соглашаться со всеми, кто якобы должен понять, и делать так, как понимают и требуют «они», то что есть «я»? И понял ли я что-нибудь сам? И помог ли понять другому? ... Саш, ты меня прости за «мазню» Когда ты делал то, что созвучно твоему сердцу – ты был. Может быть, я никогда не пойму твоей живописи, почему ты делаешь именно так, но зато теперь я понимаю, почему ты это делаешь...

Кожа на Сашкиных щеках вздрогнула, и он растянул щеки в улыбке, чтобы не зайтись рыданием.

– Выпьём?

Тень личной чистоты

Экзамен был в самом разгаре...

– Кредо Фолкнера – живой человек, обладающий душой, духом, способный к страданию, жертвенности и терпению... Всё, что угодно, лучше, чем Ничто... Важно именно то, что остаётся, и остаётся всегда то, что вечно наполняется вновь и вновь прекрасной тоской... Человеку нужен свет, Человек должен жить на ярком, постоянном, беспощадном свете, так, чтобы каждая тень была определённой, отчётливой, самобытной и неповторимой: тень его собственной, личной чистоты или подлости. Сам Фолкнер, удивительно правдиво показав неотвратимость капиталистического пути развития, опровергая «южный миф», понимая, что его искренние, доброжелательные, интеллигентные, корректные герои живут по тем же хищным законам: тоже продают, наживаются, существуют на накопленные дедами и прадедами-рабовладельцами состояния. Они не могут стать подлинными защитниками...

– А это что такое? – Властный голос преподавательницы перебил увлечённую своим экзаменационным ответом Наталью резко и недоброжелательно. Наталья обернулась к ней (та имела привычку во время экзамена не сидеть за столом напротив отвечающего, а ходить между рядами, рассматривая стенды, а заодно – и это для неё было самым главным – наблюдая за поведением готовящихся к ответу студентов) и увидела в её руках свою тетрадь, чистую тетрадь, которую она брала с собой для подготовки к ответу. Однако сердце её дрогнуло. Подруга, узнав темы её вопросов, желая помочь, подсунула ей листочек с тезисами о творчестве Фолкнера (все мы знаем об этих маленьких студенческих хитростях), и Наталья, уверенная в своих знаниях, потеряв всякую бдительность, вложила его в тетрадь и забыла о нём.

– Так, так... Фолкнер! Так вот почему ваш ответ, милочка, от зубов отскакивает! До свиданья! Сегодня я у вас не буду принимать экзамена. Попробуйте прийти ко мне в другой раз.

Наталья поняла, что экзамен этот, несмотря ни на что, она будет сдавать теперь года два, и сдаст его в лучшем случае за месяц перед ГОСами... Ошарашенная малоприятной перспективой, Наталья сглотнула подкатившийся к горлу ком, тот провалился в солнечное сплетение и застрял в нём куском льда, который лишил бедную студентку возможности сделать выдох. «Ну, где справедливость? – подумала Наталья. Возникший от волнения звон в голове заглушил биение сердца. Все предметы вокруг вдруг зашевелились и заплясали перед глазами. – Ну, вот, не хватало здесь только помереть... Может, я бы и согласилась на это, если б можно было вернуть время назад, хоть на пять минут...» Яркая вспышка расколола лёд, сковавший тело Натальи, она, наконец, сделала выдох и заговорила:

– Сам Фолкнер, удивительно правдиво...

«О, чудо! Кажется, получилось... Что же предпринять?..»

Не закончив фразы, она сделала резкое движение рукой, и рядом стоящий стул с грохотом свалился на пол...

– Что такое – прозвучало так же возмущённо и властно.

Наталья замерла. Неужели она всё-таки увидела тетрадь? Пересилив внутреннее напряжение, она повернула голову в сторону грозной матроны... и поспешила придать выражению своего лица как можно больше виноватости, было зачем: одной рукой вузовская Фрекен Бок подпирала свой бок, другой – приподняла очки над бровями... Тетрадь лежала на столе в том положении, в котором оставила её Наталья... Теперь нужно сделать всё, чтобы отвлечь эту надменную тётку.

– Простите, пожалуйста, за шум... Я сама так испугалась! Стул тут стоял как-то недостаточно устойчиво... А я, нескладёха, так увлеклась...

Преподавательница подошла ближе, внимательно осмотрела Наталью, с нескрываемой подозрительностью заглянула в стол – шпаргалки ищет! – и подвигала туда-сюда стул, поставленный Натальей на место.

– И как это у него получилось «стоять недостаточно устойчиво»? В моё время девушки были поженственней.

«Если из женственных девушек вырастают такие тётки, – то...» – и не нашлась как продолжить мысль.

– Продолжайте, пожалуйста!

– Своей трилогией писатель опровергает характерное для многих американских произведений утверждение, что мир – абсурден и непостижим, а человек заведомо обречён. Фолкнер отказывается «принять конец человека», – Наталья произносила последние фразы своего ответа с особенным удовольствием, теперь уже не только с осознаваемым, но и прочувствованным смыслом произнесённого. – В своей речи при получении Нобелевской премии он сказал: «Я верю в то, что человек не только выстоит, он победит.»

Погода была замечательная. Наталья возвращалась по тенистому бульвару, с удовольствием принюхиваясь к свежим запахам разбушевавшейся зелени. «А жить – это всё-таки наслаждение...» – думала Наталья. Ну, что ж, очень похоже на настроение студента, спихнувшего не столько трудный экзамен, сколько трудного преподавателя. Вот только не давала покоя ситуация, пережитая на экзамене. Может, показалось ей всё это? Или приснилось? Ну, для «показалось», пожалуй, слишком сильные были переживания. А уж «приснилось» – то тем более нужно исключить. Если бы она заснула у этой Горгоны прямо на экзамене, то сейчас она бы не гуляла по бульвару, а собирала чемоданы, потому что дальнейшее пребывание в институте стало бы невыносимым и бессмысленным... Неужели, это действительно, случилось? Но как? Как это могло случиться? Вот уж воистину «этого не может быть, потому что не может быть никогда»... А что она там хотела-то? Вернуть время на пять минут? Но, похоже, оно вернулось только минуты на две... «Нет, я так серьёзно об этом думаю, как будто это случилось на самом деле...» Наталья покрутила пальцем у виска, это позволило ей улыбнуться над собой, и она почти уговорила себя больше никогда даже не вспоминать об этом. Мороженое в вафельном стаканчике окончательно привело её в себя. Она стояла на остановке, медленно, с удовольствием поглощая приятный холод любимого с детства продукта, и уже планировала день отпущенный на отдых, и вдруг...

Он шёл быстро, чем-то возбуждённый и окрылённый. «Неужели нашёл очередную жертву?» – подумала Наталья. Конечно, так торопиться и ничего не замечать вокруг себя можно только, если идёшь на свидание. Но вряд ли он так радуется влюблённости. Скорее, его радость от предчувствия свежей крови. Бедная девочка! Он, наверное, уже успел убедить её своей методикой разрушения девичьих сердец, что лучше него нет на этом свете. А та, наверное, рада! Ещё бы! Какой мальчик склонил перед ней умную и красивую головку! Можно только удивляться, откуда у такого молодого человека прекрасные знания женской психологии? Талант, что ли?.. Или он прирождённый Дон Жуан? Нет! Дон Жуан всякий раз искренне любил. А здесь... Нет. Нет. Это не тот тип. Похожего на него хорошая литература, пожалуй, ещё не предлагала. Или отсутствие собственного эмоционального опыта этого порядка не давало ей возможности почувствовать этот образ. Ну, а теперь-то... Наталья с болью вспомнила ещё раз, с каким, как ей показалось, ехидством он произнёс ей: «А я-то думал, что ты уже взрослая. Ну, что ж, может быть, тебя это хоть научит тому, что прежде чем желать объятий мужчины, по меньшей мере, нужно повзрослеть. И тебе это, кажется, пора сделать. А я, извини, здесь не помощник.» А она до самой последней секунды не сомневалась в нём! И в тот день бежала к нему, чтобы обрадовать... Он-то теперь, наверное, надеется, что она сделала аборт. Но, нет, Наталья, действительно, повзрослела после этого разговора... Да и поздно уже. Живи спокойно, ненаглядный мой. Если бы даже она смогла вернуть время на момент вашей

первой встречи, чтобы отвести свою беду, то теперь бы она не стала этого делать. Ради того, кто должен родиться. «Да! Вот так!» – мысленно она крикнула ему вслед и отвернулась.

Резкий звук тормозящих колёс раздался сразу же и неожиданно. Наталья обернулась на него и обомлела. Знакомое и ещё совсем недавно любимое тело летело над газоном в какой-то нелепой и страшной позе... Тупой звук упавшего на твёрдый асфальт уже просто чего-то тёплого и мягкого и красные брызги ей показались ощущением от абстрактной живописи. Нет! Не-е-ет! Она хотела закричать, но последний и большой кусок мороженого застрял в горле. Она с усилием протолкнула его внутрь, тот провалился вниз до самого солнечного сплетения и остановился в нём куском колючего льда... «У тебя есть ещё три минуты» – прозвучало внутри. «Я согласна!» – ответила Наталья. Яркая вспышка вновь расколола лёд в солнечном сплетении и уже остывающий выдох вырвался на свободу. Сердце бешено колотилось...

«Живи спокойно, ненаглядный мой!» – знакомая уже мысль пронеслась над головой... Наталья вцепилась взглядом в спешке движущуюся к дороге знакомую и снова живую и невредимую фигуру. Только бы успеть!

– Пашка! – крикнула она, но он не услышал и продолжал идти вперёд.

– Пашка-а-а! – крикнула Наталья что было сил. В глазах её потемнело... Она успела заметить, что Павел остановился и обернулся на крик, ища глазами того, кто его позвал. В следующее мгновение красная машина со скоростью пронеслась мимо этого самоуверенного, но увы! – всё-таки любимого ею мальчишки...

Павел направился к толпе, которая окружила кого-то у самой остановки. В глазах его металась обеспокоенность. «Наталь... Наталь... Что с тобой?» – услышала она голос пробегающего мимо Пашки. «Ты куда? Я здесь!» – хотела было крикнуть она, но вдруг услышала незнакомый голос прямо над ухом: «Что это такое?»

– Это вы меня спрашиваете? – Наталья увидела перед собой пожилого мужчину, одетого как-то несовременно и не по погоде.

– Именно вас!

Она огляделась, чтобы понять, о чём идёт речь, и решила, что мужчину интересует, что произошло на остановке, где собрались люди.

– Не знаю, но если хотите, я пойду взгляну, что там делается.

– Что ТАМ делается, я без вас знаю: они думают, что делать с вашим телом.

– Как это... с моим телом...? – и всё поняла, – а я уж подумала, что ничего не произошло... Я даже не заметила, как это случилось...

– А я вас и не об этом спрашиваю. Что ЭТО такое? – он указал на серебряную нить, тянущуюся от неё к распластанному на остановке телу.

– Так это, наверное, я... еще не умерла...

– Увы. Вы – умерли, как мы с вами и договорились. Эта нить связывает вас с ребёнком, с живым ребёнком. Он не должен умереть. И откуда он у вас взялся?! Никогда не знаешь, что ждать от современных девушек!

– А позвольте у вас узнать, кто вы такой?

– Как вы ещё не узнали?

– Ну, уж точно не апостол. И одеты не так, я полагаю, и такой важной вещи, как беременность, не смогли усмотреть...

– Конечно, не апостол. я просто Фолкнер... Мне понравилось, что вы обо мне говорили, вот я и решил поиграть с вами.

– Хороши игрушки! Что же нам теперь делать? С ребёнком-то вы не договаривались ни о чём. И умереть он не должен, как вы говорите, и родиться ещё не может...

– Вы правы. Ох и влип я! Как вы говорите, капитально! Да и вы тоже хороша! Не могли вовремя правильный выбор сделать!

– И вы ещё смеете меня упрекать! Как я могу думать о ребёнке и не думать о его отце?!

– Тихо, тихо! Не сердись! Вообще-то у нас есть один выход. Правда он тоже из серии «этого не может быть, потому что не может быть никогда». Но, ведь, вы сегодня смогли убедиться, что всё может быть. И потом, для вас – это единственное разрешение создавшейся ситуации. Если беспощадный свет сегодняшнего дня даст тень личной чистоты твоего Пашки, то выстоит и победит человек, и ты сможешь вернуться к жизни, но если это будет тень подлости...

– Наталь, прости меня...

– Что..? – Наталья открыла глаза. И улыбнулась.

Мёртвые не обманывают

Её разбудил звонок в дверь. Она взглянула на часы: 3.00. «Это кого ж принесло-то? Неужто случилось что? А и всё равно сначала позвонить можно было по телефону... – Наталья сунула ноги в тапочки, на ходу завязывая пояс на халатике, – хотя, может, и звонили, да я не услышала – не проснулась... Что же всё-таки случилось?» Передвигаясь по коридору, она заглянула в ванную и туалет, нет, всё сухо, всё в порядке...

– Кто?

– Вы меня не знаете... Я – Николай Петрович... Зеленский... Да всё равно не знаете... Я вас очень прошу: поговорите со своей сестрой, чтобы она не лила на меня воду из-под цветов... А то мне мокро как-то... нехорошо...

Она посмотрела в глазок. На лестничной клетке стоял, едва освещённый энергосберегающей лампой, пожилой мужчина в строгом костюме с мокрыми пятнами. Это делало его и жалким и смешным.

– Очень прошу! – повторил мужчина.

Не увидев в ночном посетителе опасности, она приоткрыла дверь, чтобы уточнить, где и когда её сестра Лена льёт на него воду, боялась только, что не удержится и начнёт смеяться. Но когда дверь открылась, на площадке никого не оказалось. Куда ж он делся?... И даже шагов не слышно было... Может, в тапочках был?... Мягких...

Ничего не понимая, она вернулась в постель и заснула сладко и глубоко, несмотря на потревоженный сон.

Вспомнив ночное происшествие за утренней чашкой чая, она решила позвонить сестре, чтобы выяснить у неё, зачем та постоянно льёт на пожилого человека воду. Лена ответила сразу:

– Вот! На ловца и зверь бежит! – как-то возбуждённо она затарабанила в ухо, – только взяла в руки телефон, чтобы позвонить тебе, а ты мне сама звонишь...

– А что ты хотела, Лен, в такой ранний час?

– Я тебя очень прошу, только не отказывай! Отвези меня на кладбище... Я хочу цветы заменить. Те уже подсохли, наверное,.. Это недолго! Мне воды надо прихватить с собой... А на автобусе тяжело всё это тащить...

– Ты что же, всю жизнь собираешься на это кладбище ездить дело – не дело?

– Почему не дело? Я до сорока дней поезжу обязательно... Я к нему хочу... – шёпотом произнесла Лена, – я не могу без него...

– А ну-ка возьми себя в руки! – незлобно прикрикнула на Лену сестра, – что это ещё выдумала: «к нему хочу!».

Лена похоронила мужа месяц назад и очень переживала эту потерю. Все родственники как могли отвлекали её от горя, да видно плохо получается...

– Буду через двадцать минут у твоего подъезда, – пообещала Наталья, – но если будешь зарёванная, отвезу тебя не на кладбище, а в больницу!

– Нет-нет-нет! Я почти не плакала сегодня... Я не зарёванная... – умоляюще проговорила Лена.

«Бедная ты бедная! Что ж ты так убиваешься-то? Как же тебе помочь? Едва в адеквате держится...» – сокрушалась Наталья, переживая за сестру.

Лена стояла у подъезда, держа в руках большой букет живых цветов. У ног её стояли три пятилитровые бутылки с водой.

– Я же там уже посадила многолетники, их полить надо... – объясняла Лена.

– Да не оправдывайся ты! Всё и так понятно! Когда успела цветы-то посадить? Торопишься... Надо подождать было, когда земля осядет, – посоветовала Наталья, устанавливая в багажнике бутылки с водой.

И пока они ехали на кладбище, Наталья вспомнила про ночного гостя и спросила Лену:

– Слушай, а кто такой Николай Петрович?

– Какой Николай Петрович?

– Кажется, Зеленский...

– Я... не знаю..., – подумав, ответила Лена, – а почему ты меня о нём спрашиваешь?

– Представляешь, он сегодня ночью ко мне в дверь позвонил... весь мокрый какой-то, но не из под дождя, а просто облитый как будто... И он утверждает, что это ты его всё время обливаешь! Просил поговорить с тобой, чтобы ты больше этого не делала с ним.

– Чуть какая-то... Зачем мне кого-то обливать? Тем более незнакомого... И какое это такое «всё время»? Нет, это ошибка какая-то... Он моё имя называл?

Наталья восстановила в памяти весь разговор.

– А знаешь, точно, не называл. Сказал просто: сестра.

– Ну вот, видишь... Это он дверью ошибся!

– Может быть, может быть... – Наталья пожалала плечами и припарковала машину.

Она помогала сестре убраться на могиле мужа. Лена вытащила из ёмкости старые подвявшие цветы, отдала их Наталье с просьбой отнести к мусорному ящику, а воду из под них вылила рядом с могилой мужа на маленький холмик, похожий на заросшую кучу мусора.

Вернувшись, Наталья снова обратила внимание на этот холмик.

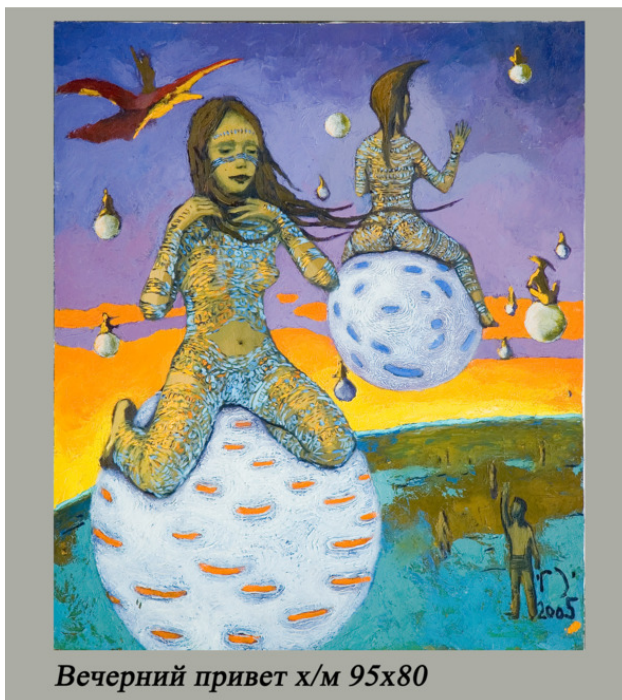
– Лен, кажется это какая-то старая могила... (Муж Лены был похоронен на старом кладбище рядом с его родителями). – Она стала разбирать этот мусор и наткнулась на упавший крест.

Наталья приподняла крест. На нём была прибита металлическая проржавевшая табличка. Однако буквы были не написаны, а прочеканены, поэтому имя покойного можно было прочесть без труда.

– Николай Петрович Зеленский... – Лена произнесла вслух вычеканенный текст.

Они бегом возвращались к машине... Наталья долго не могла взять себя в руки и настолько, что совсем не могла вести машину. Ей пришлось остановиться на обочине, чтобы дожидаться момента, когда руки начнут слушать её волю.

На следующий день она приехала на кладбище с сестрой вновь. Чтобы поправить и обиходить заброшенную могилу Николая Петровича...

Мёртвые не обманывают 2

«Я тебя узнаю... Я тебя обязательно узнаю, где бы ни встретила... Тебя невозможно не узнать... Ты такой... сильный... надёжный... к тебе так хочется прижаться... и кожей слышать, как бьётся твоё сердце... а щека твоя такая сладкая... и приятно колючая... вот, видишь, я тебя хорошо запомнила...»

Телефон в кармане булькнул и завибрировал.

«СМС-ка пришла. Нет, не до этого сейчас. О чём я думала? А!... запомнила... как твой нос упирается мне прямо в ухо... сердце замирает... и кровь перестаёт двигаться в жилах от нежности к тебе... я помню... помню... как ты на меня смотришь... дух захватывает от этого взгляда... глаза... А какие у тебя глаза? Боже мой! Я забыла какого цвета у тебя глаза! Какой ужас! Я забыла! Помню, какой ты, когда я с закрытыми глазами... Но как ты выглядишь? Я... забыла... Надо внимательней всмотреться и запомнить!

Телефон в кармане снова булькнул и завибрировал.

«Оставьте! Я сейчас занята... Так.. Волосы. Густые. Пепельные. Таким острым мысиком разделяют высокий лоб надвое... А нос оказывается с горбинкой... А я не замечала... Губы. Чётко очерчены... Нет-нет! Какие они, когда у меня закрыты глаза, я и так хорошо помню. Смотри! Смотри и запоминай, как они выглядят! А главное – глаза... Глаза... Какие же они...? Я их не могу увидеть... Я знаю, что они синие... Но не помню... Господи... я не помню... если бы ты открыл их... хоть на секунду...»

Телефон в кармане опять булькнул...

Но она уже не замечала этого. По щекам текли слёзы. Слёзы отчаяния. Боли. Растерянности. Безысходности. Не надо им мешать. Пусть вытекут все. До последней капли... Они ещё из прошлого. Или уже... А она сама застряла на последней странице любимого романа. И не хочет закрывать уже прочитанную книгу. Уже прожитую книгу. Раскроет на любой странице... а там опять уже всё прожитое, а теперь остаётся только подглядывать за тем, что было... А всё равно не хочется отрываться от волнующих страниц.

Телефон снова вибрирует... Опять кто-то со своими сочувствиями! Она не хочет сочувствий! Сочувствия всё больше и больше отдаляют от него...

Вот и всё. Страница, наконец, перевёрнута. Кто-то поправляет лопатой новый холмик на кладбище... Укладывает какие-то венки на нём, цветы...

Она сидела в стороне на стуле, на котором только что стоял его гроб, и прислушивалась к гулкой пустоте внутри себя...

Телефон снова завибрировал...

Она нехотя вытащила его из кармана, проверила сообщения... «Я жив», «Я жив», «Я жив»... Что это?! Это же... не может быть... как?...

Сердце её заколотилось, наполнилось чем-то новым и неподдающимся рассудку...

Может быть, это начало нового романа? Что же там дальше?...

Мёртвые не обманывают 3

Стены у него здесь оклеены простенькими обоями. В цветочек. Такие маленькие букетики с розовыми цветочками в шахматном порядке по всем стенам. Из под тёмных штор выглядывают белые подоконники, большие, деревянные. Странно... Здесь никогда не бывает ночи, но за окном можно разглядеть только отдельные тускло освещённые окна... И старинный стол у окна тоже из хорошего дерева, тяжёлый такой... надёжный. И два кресла ну самые что ни на есть простые, с деревянными подлокотниками. Такие в 70-е годы прошлого столетия в каждом советском доме стояли. У всех одинаковые. Потому что других в продаже не было. В магазинах для людей. Но вот это всё не смотря ни на что казалось таким уютненьким, согревающим... Он поймал мой оценивающий пространство взгляд.

– Тебе не нравится здесь у меня?

– Нет, отчего же? У тебя и здесь всё так же, как и там было, в той мастерской... Ничего не изменилось. И ты всё такой же. Только работ никаких нет почему-то... А вот кисти есть.

Я указала на букет кистей в цветочной вазе на столе.

– Я здесь ничего не пишу. А кисти эти – это память о тебе.

– Обо мне? – это было более, чем удивительно, для меня.

– Да, о тебе, – он вытащил кисти из вазы и поднёс ко мне. – Ты что же, совсем не помнишь их?

– Ну... кисти как кисти... У тебя таких много было. И всеми ими ты писал меня... Наверное... Н-н-нет. Не понимаю, почему именно эти – память обо мне.

– А помнишь, как однажды...

...

Да! Конечно, помню... Мне было семнадцать лет. Какой возраст! А тебе было ровно в два раза больше! Ты всё время говорил со мной о жизни, о людях, об искусстве. При этом я просто внимательно тебя слушала, стараясь не упустить ни слова. Всё, сказанное тобой казалось бесценным. До встречи с тобой я жила в деревне и ничего не знала об этом параллельном мире... Я слушала тебя, стараясь не двигаться. Потому что в это время ты меня писал. Иногда ты увлекался живописью так, что незаметно для себя останавливал свой рассказ. В мастерской в этот момент раздавался только шорох кисти, скользящей по картону или холсту... Но мне всё равно не было скучно. И помолчать хорошо, если с тобой. Потом, чтобы подвинуть тишину, заботясь о том, чтобы я не заскучала, наступал момент, когда ты включал старинный переносной проигрыватель, и мастерская наполнялась музыкой. Мне совсем незнакомой, но чарующей. Стравинский. Вивальди. Бриттен... А потом в мастерской появилась ещё одна девушка. Она хотела поступить в художественное училище. Ей понадобились уроки живописи, и поэтому вы писали меня уже вдвоём. И много говорили о чём-то мне совершенно непонятном: о золотом сечении, валёрах каких-то... но мне очень хотелось всё это понимать. Это давало ощущение сопричастности к новому для меня, деревенской девчонки, миру.

И вот однажды ты сказал нам, мне и этой девушке:

– Всё. У меня сегодня выходной. Я буду позировать вам. Сидеть в кресле и наслаждаться бездельем. А вы будете писать меня.

– И я?! – хотела было возразить я, но ты меня перебил:

– Да, и ты.

– Но я... – однако, ты не дал мне говорить.

– Никаких но! Вот такой у нас сегодня будет эксперимент!

Ты вручил мне кисти и посадил за свой мольберт перед небольшой картонкой. Не холст же доверять человеку, который в первый раз взял кисти в руки...

Вы весь сеанс опять беседовали о чём-то своём, а я увлечённо ковырялась в палитре в поисках нужного мне оттенка. Так... так... у тебя взгляд-то полегче будет, чем получился у меня... Тут что-то изменить надо... Ага! Вот! Веко посветлее надо сделать... Борода у тебя тёмная... Но не чёрная. Её хочется потрогать... В ней, наверное, тепло... Интересно, а тебе не жарко летом в ней?... Нос... нос... такой уверенный в себе... Для него нужно смешать вот эти краски... и чуть-чуть этой взять...

– Ну всё! – ты прервал мои увлечённые размышления. – Сеанс окончен. Показывайте, что у вас получилось.

Сначала ты подошёл к своей ученице, будущей художнице, и внимательно взгляделся в её работу. Я не видела, что вышло из под её кисти, но вы долго и подробно обсуждали это, а я терпеливо ждала, сжав в руке несколько кистей как букетик цветов, когда ты подойдёшь ко мне. Не знаю, что ты скажешь, но мне лично нравится то, что у меня получилось! Может, тут что-то и не так всё сделано... но это ты на меня смотришь из этих грубоватых мазков! И даже что-то говоришь! Вон видишь, усы шевелятся! Это ты, наверное, улыбаешься!

И тут спиной я почувствовала, что ты уже стоишь сзади меня. Я обернулась к тебе с довольной улыбкой, рассчитывая услышать что-нибудь приятное. Я была уверена, что заслужила это! Но ты молча и напряжённо всматривался в своё изображение, и лицо твоё с каждой секундой становилось всё более непроницаемым... Я ничего не понимала. Ты что молчишь-то? Но вслух спросить это не решалась. Боже мой! Я, наверное, какую-то несусветную глупость себе позволила! И то, что я тут нашлёпала кисточкой, наверное, очень смешно... до грусти. Но ведь это же просто шутка! И я вообще больше не...

– Никогда больше не бери кисти в руки! – ты произнёс это жёстко и тихо, вырывая кисточковый букет из моих рук...

– Почему? – решила я на вопрос.

– Ты... не выдержишь этого. Это... вовсе не такой розовый мир, как я тебе рассказывал. Это жестокий мир. Здесь ради места под солнцем люди идут по головам... Ты здесь не сможешь защитить ни себя, ни свой талант... Никогда! Никогда больше не бери кисти в руки!

....

Да. Я вспомнила. И где теперь этот портрет?

– Он так и висит у меня дома. Там.

– А это – те самые кисти?

– Да, я берёг их. Знал, что ты обязательно придёшь ко мне. Я хотел отдать их тебе...

– А почему ты их мне там не отдал?

– Там? Там я этого не хотел. Я понял, что был неправ только после того, как умер, – ты взял мою руку в свои ладони, – ты прости меня...

– И теперь ты думаешь, что мне нужно писать?

– Да. Писать, – ты наклонился к ящику стола, открыл его и достал оттуда пачку бумаги. – Вот, это тебе.

– Ты хочешь сказать, что сначала мне нужно научиться рисунку?

– Нет, это бумага не для рисования. Ты будешь писать кистью, но не своей... Тебя это не увлечёт так сильно, как просто писать на бумаге.

– Да что такого нового я могу написать на бумаге? Всё уже давно написано... Ну, о чём ещё не написано? О чём я могу писать?

– Ты будешь писать не о «чём», а о «как». То, что мы называем «о чём», есть у всех, разница в том, «как» мы это «что» воспринимаем и относимся к нему. Ну... всегда имярек у одного человека вызывает восторг, а у другого – только раздражение... Все настолько по-разному «как», что это всегда ново. Всегда.

...

Я уходила от него, держа в руках пачку бумаги. Дорога была заснеженная и скользкая. Ветер время от времени срывался с места и гнал по дороге снежную пыль. Вдруг он толкнул меня в спину и вырвал из рук бумагу... Листочки разлетелись по сугробам... Как же я их собирать буду? Белые на белом... Их же не видно на снегу... Но тут я заметила буквы какие-то. Прямо на снегу! Это оказался листок. А вот ещё один! И вот... Я подбирала листочки и складывала их в стопку. На них тут же проявлялись слова. «Стены у него здесь оклеены простенькими обоями»... прочитала я первую попавшуюся строчку...

Вы убиваете друг друга...

Спят...

Ещё бы! До утра спорить о Рублёве.

«О нежном и нерукотворном свете»...

Дети, конечно, раньше заснули, но, вырвавшись на природу, они не просто набегались, а, как говорила моя мама, царство ей небесное, ухайдокались! Так что спать будут долго. Проснутся, а я им – грибов жареных, как обещала. Однако их, гостей, у меня сегодня немерено, человек двадцать! Грибов-то много надо будет! Благо, лес начинается за калиткой. Однако, чтобы набрать необходимое количество грибов, придётся идти в зону.

«Зона». Так называется особенное место. У особо чувствительных людей здесь поднимается пульс. Местные утверждают, что в одном из карстовых провалов похоронена радиоактивная техника после тоцкого взрыва, и здесь радиация высокая, но радиация в норме, я проверяла. Многие видели над зоной НЛО. Ну, это уж сказки, наверное... Говорят, что здесь кто-то заваривает погоду... Что б его! В этом году он заварил так заварил! Летом приходится топить печь. Прохладно! Почти всё время дождь. Но даже, когда он заканчивается, в воздухе невооружённым глазом можно увидеть ма-а-аленькие пузырьочки воды, плавающие в воздухе. Сырость несусветная! Поэтому грибов много. Но в зону за ними никто не ходит. Боятся. Вот почему там грибы сами тебе шляпками машут, просят забрать их... Пойду в зону!

Вот он – шикарный зонтик! Зонтичный гриб. На краю муравьиной кучи. К слову сказать, муравьиные кучи в нашем лесу выше человеческого роста. И эти кучи часто покрыты косынками из шампиньонов. Ой! Опять дождик! Мелкий, но лучше б он подождал, когда я уйду. Господи! Совсем не видим солнца всё лето! Ну, хоть бы чуть-чуть солнышка! – подумала я, наклоняясь к корзине за ножом... и... О! всё светится и сверкает! Небо не серое. Оно синее! А подо мной белые клубы, сверкающие на солнце... Где это я? Я, ведь, за облаками! Я вижу то, что мы видим в иллюминаторе самолёта... К-к-как это может быть? А где всё остальное?

Под «остальным» я имела ввиду деревья, окружавшие меня, полянки, муравьиные кучи... И тут же увидела это «всё остальное»! Но не в последовательности, а СРАЗУ. ВСЁ. Весь лес, все кустарники, каждый листочек и каждую травиночку... Я ощутила себя просто одним органом зрения. Я смотрела и видела даже пятками... Я увидела и подземные... озёра, что ли... Они соединялись каналами, вода двигалась по ним... Лес полон муравьиных куч в шапках из шампиньонов... А вот..!

Она лежала ничком, уткнувшись лицом в муравьиную кучу. Она – это моё тело... Корзина стояла рядом. От дороги метров сто. Да... Пока её найдут, муравьи сожрут всё лицо. И не только. Хоронить будет нечего. Надо её подвинуть!

Я уперлась в неё, надавила... и оказалась по другую сторону муравьиной кучи... Странно, как это случилось? Я вернулась назад, опять попыталась толкнуть тяжёлое тело и опять – безрезультатно! Я его видела, но оно оказалось для меня совсем не плотным! Я могу засунуть в него руку и поболтать как чайной ложкой... Но надо что-то делать! Муравьи уже изучают предмет, свалившийся на них сверху! Может быть, почитать молитву?

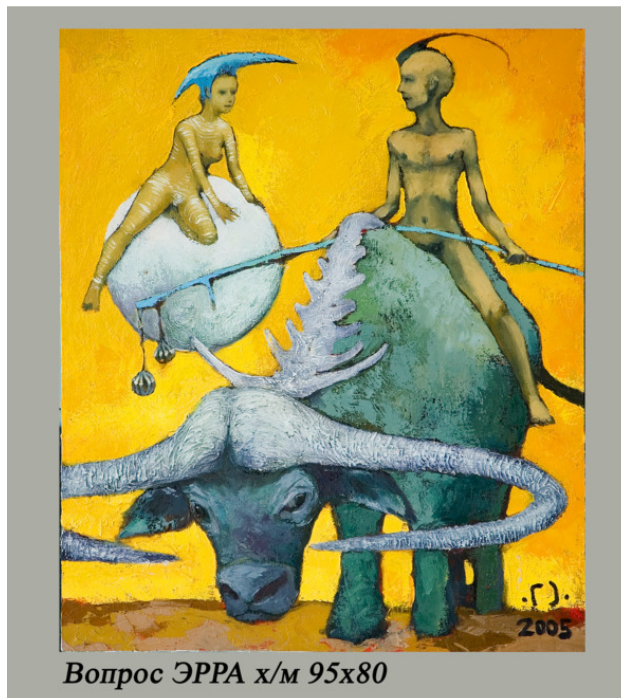
«Господи! Иисусе Христе! Сыне Божий...»

...Мне показалось, что меня засунули в жёсткий холодный чемодан. Свернули несколько раз, согнули во всех суставах, я хочу развернуться, но не могу...! Кто-то взял меня на руки и отнёс в сторону. Я оказалась сидящей на пенёчке в пяти метрах от муравьиной кучи, у подножья которой так и стоял не срезанный зонтик...

Тут я заметила удаляющиеся от меня фиолетовые силуэты. Они были полупрозрачны, как фантомы.

– Кто вы? – крикнула я вслед.

Они остановились. Один из них вышел вперёд.
– Ты ещё видишь?
– Я вообще вижу...
– Я имею ввиду нас?
– Вижу. Едва...
– Сейчас пройдёт. Всё будет хорошо.
– Но кто вы?
– Мы те, кого вы иногда называете инопланетянами.
– Так вы есть!? Отчего же вы тогда не откроетесь нам? Разве вам нечем с нами поделиться? Нечего нам рассказать? Разве эти встречи не помогут развитию человечества?
– Мы не можем... Вернее, вы не можете... Вам нельзя знать.
– Что знать?
– То, чем мы можем с вами поделиться.
– Но почему нельзя?!– Вы убиваете. Вы убиваете даже друг друга...
Сиреневое облако исчезло за деревьями...
Холодной рукой я собирала муравьёв с успевшего остыть лица...

Всего-то...

Было ещё очень рано. Часов пять утра. А уже ни в одном глазу. Может, просто выпалась. Ведь, уже целую неделю в больнице: спи – не хочу! Опять сердечко подводит. Вышла на пенсию, только подумала, что заживу беззаботно, а тут оно и начало вылезать. Нездоровье, будь оно неладно!

А сегодня... Надо же! Так спокойно внутри... Не болит ничего, ни замирает, не кружится... Хорошо. Вспомнилось, как хорошо было жить. Правда, иногда грустно, но всё равно хорошо. А в первом классе у меня было полосатое платье. Его мне мама сшила из портков туркмен, которые жили в нашем доме, пока их учили стрелять. Детство моё как раз на военные годы попало. В деревне нашей пункт для новобранцев был, где они проходили подготовку к военным действиям. Потом им выделяли форму, а свою одежду они оставляли в том доме, где квартировали, пока военному делу обучались. Менялись они каждый месяц. А другой ткани то и не было. Хорошо, что хоть эта была.

Да у нас и валенки на троих одни были. Ходили мы в них по очереди. И кто сегодня в валенках, тот тащил в школу санки с двумя босыми. А всё равно весело было! Тетради мы себе делали из старых газет. Писали между строчками. Да так красиво писали!

Ой... Что это мне всё старьё в голову лезет?

Пить хочется. Да где сейчас кипятку возьмёшь. Все спят, наверное. Я села на край кровати и достала яблоко. Хрум..! Ой... Громко. Как бы не разбудить однопалатниц. Ладно, потерплю...

Дверь тихо отворилась и в палату вошла красивая молодая женщина с косой вокруг головы. Так мама моя когда-то носила косы... Сейчас-то всё стрижки делают...

Женщина под села ко мне на край кровати:

– Ну, что, пойдём? Я за тобой пришла.

– В процедурную? Вы ж прямо в палатах по утрам уколы делаете.

– А я не медсестра.

Она была одета в белое, я и не обратила внимание на то, что на ней вовсе не халат медицинский, а какое-то красивое платье. Странно... Не сестра... Но. Ведь, доктора тоже в халатах, а не в платьях по больнице ходят...

– В ординаторскую что ли? – спросила я.

– Нет.

– А ты кто?

– Я... за тобой пришла.

А... с косой... может, и с такой косой она ходит? А что ж она в белом, а не в чёрном? И красивая... Разве так бывает?

– Я сейчас не могу с тобой идти. Понимаешь, я собрала смертный узелок, но не до конца... Я ещё платьё не приготовила...

– Всего-то? Ну, ладно. Как приготовишь платьё, так и приду, – с этими словами она встала и вышла из палаты.

Я в оцепенении сидела какое-то время, держа в руках надкусанное яблоко...

Что же я сию-то? Я вскочила, выбежала в коридор больницы, чтобы спросить её ещё раз, кто же она такая, но в конце коридора положив голову на руки, сложенные на столе, спала медсестричка... И больше никого...

Я тронула её за плечо:

– Катя, Катя... Вставай, пора уже... Ты не видела здесь женщины в белом и с косой?

– С косой? С косой тут только в чёрном ходят... Хи-хи... – мрачно пошутила Катюшка.

Я вернулась в палату. Залезла под одеяло. Тепло... Хорошо. Посплю ещё. А эта белая с косой, наверное, мне приснилась.

Часа через два я проснулась от какой-то суеты в коридоре.

– Что там? – спрашиваю соседку по палате, которая смотрела в приоткрытую дверь.

– В соседней палате кто-то умер... Каталку за трупом подкатали...

Нервно поднимаясь с кровати, я задела тумбочку, что-то скатилось с неё и исчезло под кроватью. Я заглянула туда и увидела яблоко с откусанным краем...

АДУТТО

Его звали Ананд. Он пять лет жил в каком-то ашраме, учился техникам духовного развития. А сегодня он пришёл рассказать нескольким десяткам любопытствующих, что такое динамическая медитация.

Каждое занятие начиналось с того, что он подходил ко всем участникам семинара по очереди, присаживался на корточках, всматривался в глаза и говорил: «Я тебя люблю». Было такое условие, что, мол, если чувствуешь то же самое, то ответь тем же. Я тоже всматривалась в его глаза, но... ничего такого не чувствовала...

Может быть, потому, что каждое занятие завершалось беседой. Мы садились вокруг него и задавали ему свои вопросы, на которые он терпеливо отвечал нам. Нам, но не мне. Мои вопросы вызывали у него почему-то раздражение.

«Значит, наше представление о том, что такое „духовная личность“ не имеет ничего общего с тем, что это значит на самом деле?»

«Да! Духовная личность – это человек, который занимается духовными практиками.»

«Значит, если человек совершает благородные поступки, занимается благотворительностью, живёт честно и открыто, но не занимается духовными практиками, он всё равно бездуховная личность?»

«Если он такой, каким ты его описала, он занимается духовными практиками.»

«Это вовсе не обязательно...»

«Обязательно!» – голос его переходил на высокие нотки, и мне казалось, он едва сдерживает себя, что бы не стукнуть меня.

«То есть, добро и зло – это не совсем то, что мы себе представляем...» – уже не очень уверенно и почти шёпотом констатирую я его очередное высказывание... Взгляд, далёкий от любвеобильного, останавливается на мне и я тихо замолкаю...

Утром следующего дня я вскакиваю с постели, часы показывают, что я практически опаздываю на очередное занятие. Надо же, будильник не прозвенел! Я в панике начинаю одеваться, забыв, что стоило бы умыться, и тут в комнату ко мне вошёл человек в строгом костюме.

«Не спеши. Да и зачем? Ты, ведь, поняла, что он не ответит на твои вопросы.»

«Может быть, на них ответишь ты?» Меня почему-то не удивило появление этого незнакомца в моей спальне...

«Для этого и пришёл. Ты хотела знать, что такое добро и зло? Как их отличить друг от друга?»

«Разве это сложно?»

«Может быть не сложно, но не просто... Пойдём, я тебе расскажу.»

Он зашёл на кухню, место, где я чаще всего встречаюсь со своими друзьями. Чего только не слышали стены моей кухни! И вот на одной из этих стен незнакомец начертил систему координат.

«Предположим, что там, где плюс, – добро, а там, где минус – зло. Если человек ближе к минусу по своему духовному развитию, то, всё, что слева от него – зло, а всё, что справа – добро, несмотря на то, что до нуля ещё идти и идти. Вот почему некоторые утверждают, например, что „раз бьёт, значит, любит“ и т. п. А тому, кто ближе к нулю, это непонятно. А другой, положим, ближе к плюсу, тогда то, что между ним и нулём, также, как всё, что за нулём, – зло. Для такого человека даже строгость к ребёнку кажется злом, вот тогда-то бабушки и „залюбливают“ своих внуков, благими намерениями путь в ад выслан, это как раз про этот случай. И только тот, кто ровно посередине, воспринимает зло и добро адекватно. Но эта золотая середина тонка, как лезвие ножа. Ты умеешь ходить по лезвию ножа? Учись. Только тогда и поймёшь, чем отличается зло от добра...»

«Ты кто?»

«Я? Я тот, кто отвечает на твои вопросы. Ты что же, не узнала меня? Я Адутто.»

«Спасибо, Адутто. Ну, раз так, то мне незачем идти к Ананду. Продолжу сон!...»

Я отправилась в спальню, залезла под одеяло, которое не успела убрать, там ещё сохранилось моё тепло, и отключилась...

Меня разбудил звонок будильника. Я вскочила по привычке... потом остановилась... зачем мне вставать так рано? Сегодня суббота, можно поваляться... И к Ананду спешить не надо, я просто не пойду к нему. Незачем. Адутто мне всё объяснил... Адутто... Адутто... Кто он такой? И вдруг меня осенило: если прочесть его имя справа налево, то получится «Оттуда»... откуда, оттуда, так я и не знаю до сих пор. Но если у меня возникает какой-нибудь вопрос, который не даёт мне покоя, я знаю, что Адутто может снова появиться... Но, когда это происходит, я забываю его об этом спросить...

На самом краешке...

Муж сидел перед телевизором на диване. Что-то странное было в его позе. Поняла. Он сидит на самом краешке. Как будто в гостях. Как будто сейчас встанет и уйдёт.

– Ты куда-нибудь собрался?

– ...Нет... Куда мне идти... Может, в магазин сходить надо?

– Нет. Я ребятишек посылала. Они уже давно за молоком и хлебом ходят сами. А больше нам сегодня ничего не надо в магазине.

– Растут...

...И всё-таки что-то не так...

Ночь какая-то беспокойная... Просыпаюсь... Засыпаю... Просыпаюсь... Засыпаю...

Звонок в дверь. Кого это в такую рань?

На пороге стояла женщина. Молоденькая. Худенькая. Стрижка каре. Глаза коричневые и внимательные... Пёстрая блузка и чёрная юбка до колена. Одним словом, незнакомка. Кто это?

– Я любовница вашего мужа. И я хочу, чтобы вы это знали. Может быть, это поможет принять ему решение, наконец. Вы, ведь, заметили, что он часто задерживается на работе? Так это он не на работе, а у меня задерживается.

– Сегодня он тоже придёт к вам вечером?

– Разумеется.

– Тогда сделаем так. Вы постараетесь удержать его на всю ночь. Не давайте ему вспомнить про меня. Пусть останется, если захочет. Я не буду против. Мне не нужен мужчина, который будет думать о другой женщине. И, если вы его удержите, и он не уйдёт, то будем считать, что победа за вами, но если он уйдёт и придёт ко мне, то постарайтесь не попадаться мне на глаза.

– Хорошо, – сказала она угрожающе уверенно и, отвернувшись, пошла по лестнице вниз...

Весь день я была абсолютно спокойна. И только вечером почувствовала волнение. А вдруг? А вдруг проиграю? Что буду делать одна с детьми? И что я дёргаюсь? Я и не смогу? Да сто раз смогу... Но у меня ещё есть часа два не думать об этом. Вот и не буду!

Через два часа в замочной скважине входной двери послышалось шуршание.

– О! Что-то ты сегодня рановато! Наверное, даже ужин остыть не успел. Сегодня твои любимые отбивные. Будешь наливать себе чай, налей и мне. И принеси сюда, пожалуйста... Фильм интересный... не могу оторваться...

Просыпаюсь... Это что же, всего лишь сон? Надо же... А так явственно... Засыпаю... Просыпаюсь... Засы... Дз-з-з-з! Вот и утро! Злой будильник беспощаден.

Муж – на работу, дети – в сад, а я... у меня отгул. Буду дома делать шашку. Рисовать шаржи для корпоративной вечеринки.

Любопытный сон мне сегодня приснился. Интересно, а как бы я повела себя, случись это наяву? ...?

Надо забыть это. Буквально как страшный сон. Нервничаю, это мешает работе.

Звонок в дверь. Кого это в неурочный час?

На пороге стояла женщина. Молоденькая. Худенькая. Стрижка каре. Глаза коричневые и внимательные... Пёстрая блузка и чёрная юбка до колена... Странно. Ведь, на улице зима. Холодно так-то...

– Что же вы без пальто? Не застыли? Вы кого-то ищите? Или точно ко мне?

– К вам.

– Контрольную по современной литературе хотите заказать?

Она молчала...

– По русскому?.. Или портрет с фотографии?...

Она молчала...

И вдруг сорвалась с места и бросилась бегом по лестнице вниз...

– Как хоть зовут тебя?! – крикнула я ей вслед.

Она остановилась. Посмотрела на меня снизу вверх, как мышь на удава и обречённо прошептала: «Галя...»

Я выглянула в окно кухни. Девушка прыгнула на заднее сиденье ожидавшего её такси. Зачем приезжала? Нда... Она хоть и стройненькая девочка, но мне – проиграет!

А я вернулась в комнату и вместо очередного заказного шаржа нарисовала Галю. По памяти.

Муж задержался в этот день. Но не надолго. На ужин были его любимые отбивные в кляре.

Прошло много лет. Я мечтала выйти на пенсию и уехать жить в деревню. Как мечтала, так и сделала. Собираясь на поселение в домик в черёмуховой рощице, собрала в ящик всё, что мне дорого: любимые книжки, рукописи, рисунки... Муж помогал мне разбирать ящики с этими тезисами из моей жизни... В раскрытые окна влетали черёмуховые лепестки. Воздух здесь такой, что хоть ножом режь и на хлеб мажь... Муж достал из коробки рисунки, не удержал их, и они рассыпались по полу. Он их начал собирать и вдруг замер...

– Ты была знакома с ней?

– С кем?

Он протянул мне рисунок.

– А кто это?

– Галя... Это же твоя рука. Ты её знаешь?!

– Я её видела только один раз...

Он сел на диван, привезённый из города. Тот самый. На самый краешек. Как будто бы пришёл в гости...

– Слушай! Ты давай тут разбирайся, прибей полочки для книжек, живопись по стенам развесь! А я пойду сделаю твои любимые отбивные в кляре!

Смеркалось. За окном начал свою песню соловей. Ах, как он старается, чтобы понравиться соловыхе! Хорошо в деревне... И котлеты у меня сегодня получились очень вкусные...

Амаль-гамма...

Такси направлялось в аэропорт, мне казалось, что мы едва движемся, сердце вылетало из груди, душа моя давно была там – около него... Что же меня так беспокоит?...

Почему я до сих пор здесь? Ведь, душа моя уже там!

Даже самолет показался медлительной птичкой.

– Аллю!

– Ты здесь? Что-то случилось?

– А у тебя ничего не случилось?

– Случилось! Ты вдруг здесь!

– Я хочу тебя видеть...

– Подожди немного... Я занят... Но это недолго!

Какой бесконечный коврик в этой гостинице!

Считаю шаги: раз, два, три... боже! как долго тянется время!.. двести шестьдесят пять, двести шестьдесят шесть... скоро я протру этот коврик своими подошвами... тысяча двести пятьдесят... когда же зазвонит телефон?... что это на стене? Это же радиоприёмник! В этом забытом Богом краю есть радио!

Включаю.

...О нет нельзя возноситься выше высоты
но Ты
за пределами высоты
там где высота упирается в Твердь
другой высоты...

Это о Тебе...

...Радуйся – Лестница от земли к небу
небо выше небес
печаль нежней печали
это называется
амаль-гамма
это вспоминается
но не называется
это как воздух
и видим и невидим...

Это обо мне? Это о нас...

В душе моей стало светло, чисто и спокойно...

«В программе звучали стихи Константина Кедрова.» Отбивка.

Надо будет поискать книгу этого поэта... Зазвонил телефон.

– Я уже бегу!

Я зашла к тебе и села напротив. Ты молча смотрел мне в глаза, укутывая меня синевой своего взгляда как мягким, тёплым и нежным одеялом. В душе моей было светло, чисто и спокойно...

– А я знаю, что ты сейчас чувствуешь.

– Что? – отозвалась я.

– В душе твоей светло, чисто и спокойно...

...это вспоминается
но не называется...

Опять самолёт. Опять большое расстояние. Но в душе моей светло, чисто и спокойно...
Звонок.

– Аллю!

– Его больше нет. Он погиб...

...но Ты

за пределами высоты...

Боли уже нет. В душе моей светло, чисто и спокойно.

– У вас есть Константин Кедров?

Продавец книжного магазина округлила глаза:

– Может быть, Кедрин?

Может быть, правда, Кедрин? Я, наверное, не услышала толком фамилии поэта.

– Хорошо. Дайте Кедрина.

Открыла. Нет, не то! На полках толпой стояли материалы очередного съезда партии, которая приказала долго жить...

Книжные развалы.

– Привезите книги Кедрова.

– А кто это?

– Поэт.

– Не выгодно. Кто его купит? Сейчас все «Бешеного» читают...

Прошло время. Не люблю телевизор, смотрю иногда «Культуру». Включила... Какой-то мужчина что-то говорит со сцены публике. Первый раз его вижу, но такое ощущение, будто хорошо знаю. Он мне кажется очень близким... ещё нет любви но уже прощения... Странно, почему мне это вспомнилось? Это Кедров?

Внизу экрана появилась надпись: «Константин Кедров.»

Встаю с постели, включаю компьютер, интернет, набираю «поиск»... Как я раньше не догадалась! «Мой мир. Константин Кедров.»

Хочу дружить!

В душе у меня светло, чисто и спокойно...

Через день в левом верхнем углу в «Моём мире» появилось окошко. Фото мужчины среди шемякинских фигур. И надпись «Константин Кедров теперь ваш друг.»

В душе моей светло, чисто и спокойно...

Это твой выбор

Так... Иришке не забыть позвонить... Решила я её задачу по математике...

...Бежин... «Альтист Данилов» помню, а «Мастер Дизайна»? Ой... Не придётся читать. Читала я его в «Новом мире». Так что рецензия для нерадивого студента Саши будет готова к утру.

Но, чтобы получить справку для Людочки, двоюродной сестрёнки, придётся не пожалеть время... Она со своей растерянностью и готовностью расплакаться ничего не добьётся...

Нет! Это невозможно! Тоже мне отдохнуть прилегла! Как меня учили снимать усталость? Первое: остановить поток мыслей. Второе: надеть наушники и включить музыку на полную мощность. Интересно, как это можно отдыхать на фоне этих децибелов? Ладно, сейчас попробуем. И дышать глубоко. Сколько мне лет? Так... Делим на два... Вот.. Столько раз нужно сделать глубокий вдох...

Глаза закрыла. Следить надо только за дыханием, чтобы мысли о чём-то другом не лезли в голову... Какая светлая музыка. Такая светлая, что всё вокруг становится светлее и светлее... Всё хорошо, только вот этот мешок с пшеницей! Он такой тяжёлый! А мне, ведь, его на самую вершину этой горы поднять нужно... Испытанице, однако... Кто придумал!?

Так... Попробую волоком. Получается. А на спине, как грузчики? Тоже получается. Нет. По этой тропинке не пойду, она, хоть и короче, но так узка и у самого края пропасти. Без мешка бы прошла. А так, как бы не уронить мешок. А то придётся весь путь по новой повторять...

Вот уже и полпути прошла. А с пшеницей что-то происходит... Она становится всё легче и легче... Это странно...

Вот уже и вершина горы. Я это пшеницу могу нести двумя пальчиками...

– Послушай! – обратилась я к тому, кто меня встречал на вершине (странно, откуда я его знаю? А я его знаю однозначно!) – Я боюсь, что в моём мешке не пшеница вовсе, а мякина какая-нибудь... Мой мешок очень лёгкий!

– Он с самого начала был лёгкий?

– Нет... Сначала он был очень тяжёл.

– Это не мешок стал лёгким. Это ты стала сильнее. А в мешке у тебя замечательная пшеница...

– И всё-таки, прежде чем её сдать, я хочу открыть мешок и посмотреть, всё ли в порядке!

– Открой, посмотри.

Я заглянула в мешок. Действительно, пшеница... Только кое-где встречалась шелуха...

– Мне не нравится эта шелуха. Я хочу просеять пшеницу...

– Это твой выбор.

Я села на краю площадки и стала пересыпать пшеницу из руки в руку, продувая её при помощи губ. И когда непросеянной пшеницы осталось совсем немного, я (не пшеница, а именно я!) стала лёгкой, как воздушный шарик. Я оторвалась от земли и понеслась в небо...

– Остановите меня! – закричала я кому-то, уверенная, что меня слышат. – Остановите! Я не хочу уходить! Я ещё не всё успела узнать...

– Это твой выбор, – услышала я в ответ. В этот момент меня тряхнуло и... я очутилась на своём диване. На голове были наушники, звучала музыка.

Кажется, я просто заснула... Это что же, сон был... про пшеницу? Но всё было так чётко, так реально. Чтобы это значило?

Музыка снова стала окутывать своим светом...

В окне электрички менялись земные пейзажи. Только я никак не могла понять, где же всё-таки идёт электричка? Между Петербургом и Москвой? Или Оренбургом и Орском? Но это

не важно. Я чувствую себя спокойно и уверенно. Потому что рядом со мной сидит он. Тот, кто встречал меня на горе с мешком пшеницы. Я не знаю кто это. Человек ли? Ангел ли? Но именно его присутствие делает меня счастливой.

Вагон полон народа. Но все они одеты очень похоже: без прикрас и вычурности. Да и того меньше. Как будто бы их одежда из грубой холщёвой ткани сероватого цвета. Но мне совсем не хотелось думать, почему. Я смотрела в окно и любовалась пейзажами...

Электричка остановилась. Все вышли из вагонов и направились потоком в подземный переход вокзала. Я тоже было пошла туда же, но мой попутчик взял меня за руку и повёл в другую сторону.

– Нам сюда.

Мы оказались на красивой площадке на самом краю скалы. Не скатиться с неё не давал мраморный барьер. С площадки открывался великолепный вид на море, красота такая, что дух захватывает... Я подошла поближе к барьеру и посмотрела вниз.

По всей скале как муравьи поднимались люди, в том числе и те, которые с нами ехали в электричке. Все они с трудом тащили мешки. Наверное, они тоже с пшеницей.

– Да. Они тоже несут свою пшеницу, – ответил на мои мысли мой попутчик.

Я стала присматриваться к этим людям и заметила, что среди них были и старики уже немощные, и совсем детки... Но, ведь, это очень тяжело! Надо пойти помочь! Ну, хотя бы старикам и детям... Вон тот ребёнок... даже сдвинуть не может этот мешок... надо... помочь бы... но... мне почему-то совсем не хочется этого делать...

– Ты всё правильно переживаешь, – сказал мне тот, с кем я сюда пришла, – если ты сейчас спустишься и поможешь ему подтащить мешок, то он всё равно потом не сможет его тащить вверх, он только вниз его сможет спихнуть. Ему придётся вернуться на то место, откуда ты начала ему помогать, вернее, решать за него его проблемы. И весь этот путь, который он прошёл с тобой, ему придётся пройти снова. Самостоятельно. И только по своей дороге, которую выберет сам. Когда он будет идти с тобой, ему не придётся выбирать, выбор сделаешь за него ты. Но только выбор и есть развитие, он заставляет думать и переживать. Решая за него проблемы, ты лишаешь его выбора и возможности развиваться – интеллектуально, духовно, физически.

– Вот почему «благими намерениями путь в ад выстлан»!

– В том числе.

– Но куда они все стремятся? И зачем?

– Вот сюда. На эту площадку. Ты что же, не узнаёшь её? Свой мешок пшеницы ты принесла сюда.

Я огляделась. Да, действительно, это та площадка. Просто в первый раз я моря не успела увидеть.

– И всё равно я не понимаю, зачем?

– Иди ко мне!

Я сделала шаг к нему, он обнял меня и мы полетели с ним вверх! Всё выше и выше! Какая... здесь... благодать...

Нет! Нет! Останови меня! Я, ведь, ещё могу побыть там? Там, где трудно? Я ещё не всё успела сделать...

– Это твой выбор.

Диван. Наушники. Музыка. Проблемы. Чьи?

– Алло! Ириша? Давай договоримся так: ты смотришь задачу сама. И если у тебя возникнут вопросы, на которые ты не сможешь найти ответ, ты перезваниваешь мне... И мы подумаем вместе...

– Да, Ириш. Что-то непонятно? Решила? Сама? Вот умница!

– Саша, я почитала Бежина, это так интересно... Тебе не повредит прочитать самому. Это займёт у тебя чуть больше часу. Потом позвонишь мне, определим вместе основные тезисы для рецензии.

– Алло, Саш, ну, что, прочёл? Уже пишешь? Сам? Молодчинка. Покажешь готовый материал, ладно? Мне интересно, как у тебя получится.

– Люда, садись и записывай вопросы, ответы на которые ты должна получить в тех кабинетах, которые ты сама должна пройти для решения своих проблем. Итак... Вот, видишь, ты сама знаешь, что тебе нужно. Вернее, ты это знаешь лучше меня... Так что иди. Потом зайдёшь, расскажешь, как у тебя всё получилось. Если я не буду открывать дверь, постучи погромче. Вдруг, я буду в наушниках, тогда дверного звонка я могу и не услышать...

Планета веры

Где-то солнце заходит за горизонт. А у меня – за забор... Я не помню, как я здесь оказалась. Я не знаю, что это за пространство. И я... беспомощна!

Но мне повезло, что я оказалась за этим забором. Он – единственное моё спасение. Отчего? Я даже этого не знаю... Но там, за забором, кто-то постоянно ходит. Я едва успеваю их заметить сквозь тонкие щели забора, не могу их разглядеть, но их присутствие я чувствую кожей, и если сказать, что, когда они подходят к забору близко, это вызывает страх, значит не сказать ничего.

А кому я это говорю? Меня всё равно никто не слышит. Меня ничего не связывает с миром. Но, по крайней мере, пока я всё это произношу, мне легче. И я надеюсь, что рано или поздно все эти мысли сложатся в определённую композицию и помогут найти выход. Из этой ситуации. Потому что за забор выйти невозможно. Можно, конечно, но вряд ли я после этого смогу думать. И говорить тем более. Наверное, я успею только вскрикнуть.

Надо полить растения, которые можно есть...

С правой стороны забора живёт сосед. Он местный. Он боится меня не меньше, чем тех, кто ходит за забором. Моё появление здесь его озадачило не меньше, чем меня. Он не понимает, что я говорю, и не слышит то, что я думаю. Это странно. Но я слышу, что он думает. Из того, что он думает, я понимаю, что здесь, на этой планете, есть и безопасные места. Но не для всех. А в этих пещерах, за забором, живут люди, которые должны отвлекать своим существованием тех, кто ходит за забором и вызывает страх, от неких избранных, что живут в безопасной части планеты. Только мне такая безопасность совершенно непонятна: если вдруг исчезнут те, которые прячутся от страха за забором, то испытывать страх придётся этим самым «избранным». Какая-то зыбкая безопасность. И эти избранные зависимы от того, живёт ли кто-нибудь ещё в пещерах.

Но пока стоит забор, у избранных есть уверенность, что им бояться нечего. Забор когда-то был поставлен этими самыми избранными. Для тех, кто теперь за этим забором живёт. И сосед мой уверен, что он должен быть благодарным избранным за то, что они построили для него этот забор. Почему он никак не поймёт, что его используют, что он является просто отвлекающей приманкой для тех, кто ходит за забором и надеется пожить им при случае. Ведь, он по большому счёту брошен не просто на произвол судьбы, а буквально на съедение тем, кто ходит за забором. Но пещерные люди так привыкли жить в страхе, в недоверии друг к другу и в благодарности к избранным, что совершенно не помышляют о другой жизни!

Конечно, пока ты сидишь за забором, они, те, кто ходит за забором, не могут до тебя дотянуться. Но если тебе вдруг захочется посмотреть, как солнце садится за горизонт, и ты позволишь себе выйти за забор, то... можно только предположить, что с тобой случится. Мой сосед даже к забору близко не подходит... Боится. Если бы он решился, я бы его поддержала. Но он никогда не решится. И меня он до сих пор боится. Так что... не увидеть мне больше солнца, прячущегося за горизонт...

Если бы я знала, что может случиться, я бы, наверное, не боялась. Но никто конкретно не создаёт мыслеформы того самого «растерзания» их теми, кто ходит за забором, тем более они про это не говорят, просто боятся и всё. И я в результате боюсь вместе с ними.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.